СМЕРТЬ ВНЕ СЕЗОНА

ЕЛЕНА ГОРСКАЯ

Елена Горская

Смерть вне сезона

«Автор»
2026

Горская Е.

Смерть вне сезона / Е. Горская — «Автор», 2026

Судебный медик Вера Ланская возвращается в приморский посёлок, чтобы разобрать дом умершего отца, и получает временную работу в почти пустом санатории. Ночью у лестницы находят тело последнего постояльца. В журнале уже записан несчастный случай, хотя осмотр ещё не начался.Переставленные часы, мокрый песок в сухом коридоре, вымытая чашка и пропавший лист назначений складываются в историю, которую слишком многие хотели закрыть заранее. Коллега Веры подделал время смерти из жалости к женщине, которую погибший шантажировал. Но его милосердие подарило настоящему виновнику алиби.Чтобы восстановить события той ночи, Вере придётся признать собственное нарушение и старое молчание, из-за которого она двенадцать лет назад уехала из города. Правда может стоить ей лицензии — и всё равно не даст простого ответа, где заканчивается случайность и начинается ответственность.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Закрытый корпус 6
Глава 2. Подпись до осмотра 15
Глава 3. Сухой дождь 23
Глава 4. Комната с двумя чашками 31
Глава 5. Дом, который ждал 41
Глава 6. Последний постоялец 50
Глава 7. Время звонка 58
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Елена Горская
Смерть вне сезона

От автора

В детективе правда часто кажется простой целью: найти виновного, назвать улику, закрыть дело. Но документы заполняют люди, а люди приносят к столу страх, дружбу, усталость и желание кого-то уберечь. Иногда ложь рождается не из корысти, а из жалости. От этого она не становится безопаснее.

«Смерть вне сезона» — роман о цене раннего вывода. Его героиня умеет видеть следы, но ей труднее признать собственное молчание и нарушение. Загадка построена так, чтобы основные улики появились до развязки: читатель может проверять версии вместе с Верой Ланской.

Место действия, санаторий и персонажи вымышлены. Профессиональные детали подчинены сюжету, не заменяют справочник и намеренно не превращены в описание способов совершить или скрыть преступление. В центре истории не техника смерти, а ответственность живых за слова, подписи и решения.

Эта книга не предлагает выбирать между состраданием и правдой. Она спрашивает, может ли помощь, оказанная без согласия и за счёт чужого права, остаться помощью. Ответ придётся дать не только человеку, который изменил протокол, но и той, кто однажды предпочла уехать, ничего не дописав.

Глава 1. Закрытый корпус

На въезде в Бережный море ещё не было видно, но оно уже распоряжалось погодой. Ветер гнал по дороге мелкую соль, дворники размазывали её по стеклу, и редкие фонари стояли в белёсых кругах, будто их зажигали под водой.

Вера Ланская сбросила скорость у старой автобусной остановки. Когда-то на её стене был нарисован парусник, теперь от парусника остался один красный треугольник. Под навесом никто не ждал автобуса. В конце октября последний рейс из райцентра приходил до темноты, а после девяти Бережный замыкался в себе: закрывались кафе на набережной, пустели дворы гостевых домов, и только море продолжало работать без выходных.

Навигатор предлагал повернуть к дому отца, словно Вера могла забыть дорогу. Она отключила голос и проехала мимо поворота.

Ей требовалось ещё пять минут, в которые не нужно было вставлять ключ в знакомую калитку.

На площади ветер перевернул пластиковый ящик. Ящик тащило через мокрый асфальт короткими рывками. Аптека горела зелёным крестом, продуктовый магазин — половиной вывески. За стеклом бывшего книжного стояли рулоны линолеума. Вера отметила всё это с ненужной точностью и поняла, что тянет время так же, как в больнице перед дверью, за которой родственникам предстояло услышать плохую новость.

Только родственницей теперь была она сама.

У калитки лежал пакет с рекламой доставки. Бумага размокла и прилипла к плитке. Вера подняла её, отжала воду и сразу рассердилась на себя: отец умер три недели назад, а она первым делом прибирала мусор у его дома.

Ключ повернулся туго. Во дворе пахло мокрой листвой, железом и яблоками, которые некому было снять. На крыльце горела лампа. Кира оставила свет, хотя просила приехать до восьми.

Вера внесла чемодан в прихожую, не разуваясь прошла до кухни и остановилась. На столе стояли сахарница с отколотым краем, пустая кружка и записка сестры.

«В холодильнике суп. Кран не закрывай резко — течёт под мойкой. Завтра в девять я приду. Не вздумай уехать раньше».

Последние слова были подчёркнуты дважды.

Вера сняла пальто. Дом отвечал на каждое движение: щёлкнула остывающая батарея, прогнулась половица, за стеной коротко задребезжало стекло. Отец не любил тишину и обычно держал радио включённым даже во дворе. Теперь радио на подоконнике молчало, а шнур был аккуратно обёрнут вокруг корпуса. Наверное, Кира выключила его после похорон.

Вера открыла холодильник, увидела кастрюлю с синей крышкой и закрыла дверцу. Есть она не хотела. Спать — тоже.

Чемодан остался в прихожей. Она достала из сумки папку с документами на дом и положила рядом с запиской. Сверху лежало свидетельство о смерти. Бумага была новой, плотной, с безупречно напечатанными строчками. Отцовская жизнь поместилась в несколько граф, а причина смерти — в одну строку, которую Вера проверила дважды, хотя доверяла врачу, подписавшему заключение.

Профессиональная привычка, сказала бы Кира.

Трусость, возразила бы сама Вера. Читать справку легче, чем открыть дверь мастерской.

Телефон зазвонил в двадцать три сорок семь.

Номер был местный, незнакомый. Вера посмотрела на экран, дала пройти ещё одному звонку и ответила.

— Ланская?

Мужской голос не спросил, та ли она Ланская. Он только проверял, берёт ли она трубку.

— Да.

— Это Туманов. Лев.

Она узнала бы его и без имени. Голос стал ниже, чем двенадцать лет назад, но прежняя манера отделять слова друг от друга сохранилась.

— Я приехала сорок минут назад, — сказала Вера. — Если ты звонишь выразить соболезнования, время выбрано смело.

— Соболезнования я выразил Кире. Ты тогда не отвечала.

— Значит, дело не в них.

В трубке шумел ветер. Потом хлопнула автомобильная дверь.

— Ты уже официально замещаешь Ратманова?

— С понедельника. Сегодня пятница.

— У нас тело в «Прибое». Ратманов не отвечает. Дежурный из района будет через два часа, если перевал не зальёт. Фельдшер говорит, человек упал с лестницы. Мне нужен врач, который посмотрит, прежде чем здесь начнут мыть полы и двигать мебель.

— Тебе нужен не просто врач.

— Я знаю.

Вера подошла к окну. В стекле отражалась кухня: записка, папка, её лицо. За отражением раскачивалась чёрная ветка яблони.

— Я ещё не приступила к работе.

— Поэтому я прошу приехать как специалиста и ничего не подписывать. Посмотришь, скажешь, чего не трогать. Если всё очевидно, дождёмся дежурного.

— А если не очевидно?

— Тогда особенно дождёмся.

Она помолчала. Лев не уговаривал. В школе он так же стоял у доски, когда знал ответ: не тянул руку, но смотрел на учителя, пока тот не замечал.

— Как зовут погибшего?

— Аркадий Невский. Пятьдесят семь. Постоялец, хотя санаторий почти закрыт. Нашли у лестницы в процедурном корпусе.

Фамилия ничего ей не сказала.

— Кто нашёл?

— Фельдшер Анна Корецкая. Управляющий уже здесь. И он очень хочет, чтобы это оказалось падением.

— Управляющие любят простые причины.

— Судебные медики тоже.

— Хороший судебный медик любит причины, которые выдерживают осмотр.

— Поэтому я и позвонил.

Вера посмотрела на дверь в коридор. За ней начиналась узкая лестница на второй этаж, где отец последние годы спал один. Ей следовало подняться, открыть окна, разобрать вещи, поставить будильник на утро. Вместо этого она спросила:

— Какая дорога свободна?

— Через старую котельную. Главные ворота санатория закрыты. Я встречу.

— Двадцать минут.

— Здесь скользко.

— Тогда двадцать пять.

Она отключилась и только после этого заметила, что держит свидетельство о смерти отца. На бумаге остался след от большого пальца. Вера протёрла его рукавом, убрала документ в папку и написала Кире на обороте записки: «Вызвали в “Прибой”. Вернусь ночью».

Потом зачеркнула слово «вернусь». Оно звучало как обещание, которое Бережный мог истолковать слишком широко.

Дорога к санаторию шла вдоль берега. Фары выхватывали белую пену за низким парапетом, мокрые скамейки и закрытые киоски, похожие на заколоченные будки. Летом здесь торговали кукурузой, кругами и экскурсиями к маяку. Сейчас набережная принадлежала чайкам и ветру.

«Прибой» стоял на северной окраине посёлка. Главный корпус с колоннами был тёмным, только в двух окнах третьего этажа горел свет. За ним, ближе к склону, располагались старые лечебные здания. Вера помнила их жёлтыми, с голубыми полосами под крышей. Теперь фасады казались серыми, а голубая краска облупилась до бетона.

У ворот котельной мигал фонарь. Рядом стояла полицейская машина. Лев вышел на дорогу и поднял ладонь. На нём была тёмная куртка без форменного кителя и вязаная шапка, прижатая ветром ко лбу.

Вера остановила машину у кирпичной стены.

— Узнал? — спросила она, опуская стекло.

— Кира сказала, что у тебя белая машина с московскими номерами.

— Не московскими.

— Для нас всё, что дальше райцентра, московское.

Лев посветил фонарём на лужу перед её дверью.

— Слева выходи. Справа яма.

Он не сказал, что она не изменилась. Она тоже не сказала, что седина у него появилась раньше, чем ожидала. Они обменялись короткими кивками, как люди, которым удобнее начать с мёртвого незнакомца, чем с двенадцати лет молчания.

— Кто заходил в корпус? — спросила Вера.

— Корецкая, управляющий и я. До нас — неизвестно. Уборщица видела Невского вечером, но в корпус не входила. Тело не трогали, если верить всем троим.

— А ты им веришь?

— Я записываю, что они говорят. Верить буду после.

Это ей понравилось. Она достала из багажника рабочую сумку. Набор был собран ещё в городе: перчатки, бахилы, маски, фонарь, бумажные пакеты, блокнот, рулетка. Вера возила его по привычке, хотя ехала в Бережный разбирать наследство, а не осматривать место смерти.

Лев заметил сумку.

— Ты знала, что я позвоню?

— Я знала, что люди умирают и по пятницам.

— Даже когда ты не приступила к работе?

— Особенно тогда.

Они прошли через двор котельной. Ветер тянул между зданиями, стучал листом железа на крыше и бросал в лица колючий дождь. За сетчатым забором темнели голые кусты. Процедурный корпус стоял отдельно, соединённый с главным крытым переходом. Дверь перехода была заперта цепью, поэтому Лев повёл Веру к служебному входу.

Над крыльцом висела вывеска «КОРПУС Б». Под буквой Б темнел прямоугольник от снятой таблички.

— Закрыт на ремонт? — спросила Вера.

— По словам управляющего, с сентября. Но Невский жил здесь, в комнате на втором этаже.

— В закрытом лечебном корпусе?

— Он называет это хозяйственной необходимостью.

— Невский был хозяйством или необходимостью?

— Спроси у Савельева.

У двери курила женщина в синей медицинской куртке, накинутой поверх домашнего свитера. Она держала сигарету неловко, двумя пальцами у самого фильтра, и каждый раз отворачивалась от дыма. Рядом стоял высокий мужчина в дорогом плаще без головного убора. Вода стекала с его волос на воротник.

— Наконец-то, — сказал он. — Мы уже час ждём.

— Сорок две минуты с вашего звонка в полицию, — ответил Лев. — Игорь Викторович Савельев, управляющий санаторием. Анна Сергеевна Корецкая, фельдшер. Вера Андреевна Ланская.

При имени Веры женщина выронила пепел себе на рукав и смахнула его ладонью.

— Дочь Андрея Ланского? — спросила она.

— Да.

— Я была на похоронах. Вы уже уехали тогда.

Вера прилетела на похороны утром и уехала вечерним поездом. Видимо, Анна стояла среди людей, чьи лица слились в одно серое пятно.

— Спасибо, — сказала Вера.

Савельев нетерпеливо качнулся с пятки на носок.

— Может быть, внутри? У нас и без того чрезвычайная ситуация. Человек оступился, а теперь открыт корпус, идёт дождь, отопление работает впустую.

— Если отопление работает, оно не замечает открытую дверь, — сказала Вера. — Люди замечают.

Лев отвернулся, будто проверял двор. Савельев посмотрел на неё без улыбки.

— Вы эксперт?

— Сегодня я врач, которого попросили ничего не дать испортить до приезда эксперта.

— Так эксперт всё-таки другой?

— Вам важно, кто подтвердит падение, или что произошло?

Анна затушила недокуренную сигарету о мокрый край урны.

— Пойдёмте, — тихо сказала она. — Там холоднее, чем здесь.

Внутри холоднее не было. Было душно от перегретых батарей и запаха сырой штукатурки. У входа стояли свёрнутые дорожки, мешки со смесью и пластиковые вёдра. Ремонт остановили посреди работы: часть стены очистили до серого основания, часть оставили выцветшей бирюзовой.

Лев запер дверь изнутри и попросил Савельева с Анной остаться у вахты.

— Я должен присутствовать, — возразил управляющий. — Это моя территория.

— Сейчас ваша территория начинается за этой жёлтой лентой.

— У вас нет оснований превращать несчастный случай в преступление.

— А я пока и не превращал. Просто не даю вам пройти по полу.

Лев протянул Вере бахилы. Она показала свои, плотные, с завязками.

— Где тело?

— В конце коридора, у главной лестницы. Анна говорит, пришла на обход в двадцать два сорок, увидела его и вызвала Савельева. Савельев позвонил мне в двадцать три ноль пять.

— Почему не в скорую?

— Анна говорит, смерть была очевидна.

— Это не ответ на вопрос.

— Я знаю.

Коридор тянулся через весь первый этаж. Свет горел через одну лампу, поэтому стены чередовались светлыми и тёмными полосами. Двери кабинетов были закрыты. На табличках читались старые названия: «Ингаляции», «Теплолечение», «Подводный душ». Вера шла медленно, ставя ноги ближе к стене. На линолеуме были видны следы мокрых подошв — крупные, с прямоугольным рисунком, и более мелкие, почти без каблука.

— Ваши? — спросила она.

— Крупные мои. Мелкие Анны. Савельев прошёл только до середины, я вернул его к входу.

— А до вас?

— Пол был уже такой.

У лестницы светили все лампы. Тело лежало на боку у нижней ступени, головой к стене. Мужчина был в серых брюках, рубашке и шерстяном жилете. Один домашний тапок остался на ноге, второй лежал на третьей ступени. Правая рука была вытянута к перилам. Рядом валялись очки с целыми линзами.

Сцена выглядела слишком понятной. Лестница, тапок на ступени, человек внизу. Готовая фраза сама просилась в журнал.

Вера остановилась в трёх шагах.

— Кто включил здесь свет?

— Анна утверждает, что он горел, когда она вошла.

— Во всём коридоре лампы через одну, а здесь все пять.

— Ремонтники могли оставить.

— Могли.

Она надела перчатки, достала фонарь и сначала осмотрела пространство вокруг тела. Не самого Невского — пространство. Плинтус, нижние ступени, стену, перила, очки, тапок. На краю второй ступени не было свежего скола или заметной полосы от подошвы. На стене не было следа, который сразу объяснил бы положение тела. Это ещё ничего не доказывало. Падения редко соглашались изображать учебную картинку.

— Фотографии делал?

— С общего вида и от входа. Ближе не подходил.

— Сделай ещё с лестничной площадки, если можно подняться с другой стороны.

— Есть служебная лестница в конце крыла.

— Пока не надо. Сначала то, что видим отсюда.

Вера присела, не касаясь пола коленом. Лицо Невского было повёрнуто к стене. Она не стала менять положение тела. Посветила на открытые участки кожи, отметила признаки, которые позволяли говорить, что помощь уже не поможет, затем посмотрела на одежду. На манжете рубашки темнело влажное пятно. Низ брюк тоже был сыроват, хотя коридор вокруг тела казался сухим.

— Дождь мог попасть, когда открывали дверь, — сказал Лев, заметив её взгляд.

— От двери до сюда больше тридцати метров. И сквозняка в эту сторону почти нет.

Она не стала говорить о времени смерти. Без полноценного осмотра, условий в помещении и дальнейшей работы точная цифра была бы не знанием, а удобной маской знания.

На стене над лестницей висели круглые часы. Белый циферблат, чёрная рамка, красная секундная стрелка. Часы показывали двадцать два тридцать одну. Секундная стрелка не двигалась.

— Анна сказала, когда увидела тело? — спросила Вера.

— В двадцать два сорок.

— И решила, что часы остановились при падении?

— Она про часы не говорила.

Вера направила свет выше. Под рамкой на выцветшей стене виднелся чистый полукруг, а справа от часов — два пустых отверстия. Обои вокруг них были темнее.

— Они висели не здесь.

Лев подошёл на полшага, остановился.

— Почему?

— Видишь светлое пятно? Раньше рамка закрывала его полностью. Потом часы сняли и повесили ниже и левее. Старые отверстия справа. А этот крючок свежий.

— Ремонт.

— Возможно.

— Ты говоришь «возможно» так, будто не веришь.

— Я говорю «возможно», когда это возможно. Вопрос в другом: почему при незавершённом ремонте кто-то старательно перевесил неработающие часы именно над телом?

Лев поднял телефон и сфотографировал стену крупнее.

— Может, они работали, когда их повесили.

— Может. Спроси, когда их переставили и кто менял батарейку.

— Ты думаешь, время на них выставили специально?

— Я думаю, часы переставили. Остальное пока версия.

Вера поднялась и отступила к стене. Отсюда сцена снова складывалась в простую картинку: человек падал, зацеплял тапком ступень, часы останавливались на времени происшествия. Только человек не мог остановить настенные часы своим падением. Для этого требовалась рука живого.

В конце коридора хлопнула дверь. Савельев крикнул:

— Долго ещё?

Лев ответил, не оборачиваясь:

— Дольше, если будете ходить.

Вера посмотрела на пол у стены. Под батареей лежал маленький комок белой пыли, рядом — две тёмные крупинки. Она подсветила их, но не тронула. Песок или штукатурка — на расстоянии не различить. Позже. Сейчас важнее было удержать место таким, каким они его застали.

— Мне нужна бумага, — сказала она.

Лев достал из папки прозрачный файл.

— Уже есть акт осмотра?

— Не акт. Журнал дежурств санатория. Савельев принёс показать, что Анна была на обходе.

Он вынул лист. Это была копия разворота с размашистыми записями. В строке за двадцать два сорок чёрной ручкой значилось: «Обнаружен постоялец Невский А. М. после падения с лестницы. Несчастный случай. Без признаков жизни».

Вера перечитала строку.

— Кто написал?

— Анна говорит, Савельев продиктовал, она записала.

— До твоего приезда?

— В двадцать два пятьдесят две. Время стоит на полях.

— А Ратманов?

— Ему звонили трижды. Телефон выключен.

Она вернула лист, придерживая только край файла.

— Здесь не наблюдение. Здесь готовый вывод.

— Я заметил.

— Не просто готовый. Удобный. Его сделали до врача, до полиции и до попытки понять, откуда человек падал.

— Поэтому ты остаёшься?

Вера снова посмотрела на часы. Двадцать два тридцать одна. Белый круг на стене казался слишком чистым среди облупленной краски.

— Я остаюсь, пока не приедет дежурный эксперт. Место нужно закрыть, всех троих опросить отдельно. Никому не давать возвращаться в комнаты без сопровождения. Часы не снимать до фотографирования и осмотра крепления. Журнал изъять, не копию — сам журнал.

— Ты распоряжаешься как человек, который ещё не приступил к работе.

— А ты слушаешь как человек, который позвонил не из-за падения.

Лев убрал файл в папку.

— Я позвонил, потому что падение уже успели назвать несчастным случаем.

— До того, как его увидел специалист.

— Да.

— Тогда это первое, что мы точно знаем.

— Что именно?

Вера сняла одну перчатку, вывернув её наизнанку, и положила в пакет. За стеной ударила волна — тяжело, будто кто-то закрыл огромную дверь.

— Дело закрыли раньше, чем начали.

У вахты Савельев спорил с Анной. Он говорил вполголоса, но в пустом коридоре каждое слово долетало до лестницы.

— Я просил записать факты, — повторял он. — Факты, Анна Сергеевна. Не надо теперь делать вид, будто вы не понимали.

— Вы сказали: несчастный случай.

— Потому что он лежит под лестницей.

— И потому что вам утром принимать комиссию.

Наступила тишина.

Вера посмотрела на Льва.

— Какая комиссия?

— Мне он не говорил.

Савельев появился в освещённой части коридора. Лицо у него было бледнее, чем во дворе.

— Никакой комиссии, — сказал он. — Обычная хозяйственная встреча. К смерти Невского отношения не имеет.

— Тогда легко будет повторить это отдельно и под запись, — ответил Лев.

— Вы устраиваете спектакль. Человек пил, ходил в тапках, лестница крутая. Что ещё вам нужно?

Вера показала на часы.

— Когда их перевесили?

Савельев посмотрел не туда, куда она указывала. Сначала на тело, потом на старые отверстия в стене и только затем на циферблат.

— Не знаю. Ремонтники двигают всё подряд.

— Ремонтники работают ночью?

— Они не работают уже неделю.

— Значит, часы переставили не сегодня?

— Я этого не говорил.

— Вы сказали, что не знаете.

— И не знаю. У нас три корпуса, сотни предметов. Я не обязан помнить каждый гвоздь.

— Не обязаны, — согласилась Вера. — Но кто-то помнит. Особенно если менял батарейку.

Савельев посмотрел на неподвижную секундную стрелку.

— Батарейки здесь садятся каждую неделю. Сырость.

— У кварцевых часов?

— Я не часовщик.

— Я тоже.

Анна стояла у вахты, прижав руки к животу. На её запястье осталась серая полоска пепла. Вера встретилась с ней взглядом. Женщина быстро отвела глаза.

Лев попросил Савельева пройти в бывший кабинет физиотерапии и ждать там. Управляющий хотел возразить, но всё же ушёл, стуча мокрыми туфлями. Анну Лев посадил в комнате напротив.

— Двери не запирать, друг с другом не разговаривать, — сказал он. — Телефоны положите на стол. Это просьба до оформления. Не заставляйте меня превращать её в другое.

Когда они остались вдвоём, Вера спросила:

— Кто ещё знает, что я приехала?

— Полпосёлка. Кира сказала одной соседке.

— Я не про Бережный. Про замещение.

— В больнице знают. В администрации. Павел оформлял отпуск сам.

— Куда он уехал?

— По документам — к сыну в Краснодар. Но его машина стоит у дома.

Вера повернулась к нему.

— Ты проверял?

— Проезжал мимо, когда не дозвонился. Машина во дворе, в окнах темно. Может, уехал поездом.

— Может.

Это слово снова повисло между ними, не соглашаясь стать объяснением.

Снаружи завыла сирена. Сначала тихо, потом ближе. Дежурная машина спускалась с перевала.

Вера почувствовала не облегчение, а досаду: сейчас приедет человек с официальными полномочиями, и ей можно будет уйти. Вернуться в дом, где на кухне ждёт холодный суп, а наверху — отцовские вещи. Именно этого она хотела час назад.

Она подошла к окну в конце коридора. За стеклом дождь шёл почти горизонтально. Во дворе фонари освещали дорожку к главному корпусу, но дальний край территории тонул в темноте. На секунду вспыхнул свет в окне второго этажа. Тут же погас.

— Там кто-то есть, — сказала Вера.

Лев встал рядом.

— Где?

— Второй этаж, крайнее окно справа.

— Комната Невского?

— Ты у меня спрашиваешь?

Он уже говорил по рации, отправляя прибывшего сотрудника к внешней лестнице. Вера смотрела на чёрное окно. Свет больше не появлялся.

Из кабинета высунулся Савельев.

— Там проводка коротит, — сказал он. — Корпус старый.

Лев жестом велел ему вернуться.

— Выключатель тоже старый? Сам нажимается?

— Я предупреждал, что здание опасно.

— А Невского всё равно поселили здесь.

Савельев закрыл дверь.

Вера надела новую пару перчаток. Ночная поездка перестала быть одолжением школьному знакомому. В здании находился кто-то ещё — или находился недавно. Под лестницей лежал человек, причину смерти которого уже записали. Над ним висели переставленные часы, показывавшие удобное время.

Она достала блокнот и на первой странице написала дату, адрес и четыре короткие строки.

«Тело у главной лестницы. Корпус формально закрыт. Вывод сделан до осмотра. Часы перенесены».

Подумала и добавила пятую:

«Не считать понятное правдой только потому, что оно написано первым».

Сирена во дворе смолкла. Послышались голоса, шаги и стук в дверь. Лев пошёл открывать.

Вера осталась у лестницы. Красная секундная стрелка не двигалась. Двадцать два тридцать одна — время, которое кто-то выбрал для мёртвого человека и оставил на стене как подпись без имени.

Глава 2. Подпись до осмотра

Дежурного эксперта звали Михаил Зуев. Он вошёл в корпус вместе с порывом ветра, поставил у вахты потёртый чемодан и прежде, чем поздороваться, спросил:

— Кто здесь уже успел всё понять?

Лев указал на закрытую дверь кабинета, за которой ждал Савельев.

— Управляющий.

— Значит, мы опоздали.

Зуеву было около шестидесяти. Седые волосы прилипли ко лбу, очки запотели. Он протёр их краем свитера, узнал Веру и хмыкнул.

— Ланская. Говорили, ты вернёшься в понедельник.

— Я тоже так думала.

— Ратманов где?

— Телефон выключен, — сказал Лев. — Машина у дома.

— У Павла отпуск. В отпуске человек имеет право выключить телефон.

— И оставить заместителю пятницу, субботу и воскресенье в подарок, — ответила Вера.

Зуев раскрыл чемодан.

— Подарки потом. Показывайте место.

Вера не пошла за ним к телу. Она передала наблюдения коротко: положение предметов, влажная одежда, часы, журнал. Отделяла увиденное от предположений и ни разу не произнесла слово «убийство». Зуев слушал, задавал точные вопросы и записывал ответы. Возле часов задержался дольше, чем возле тапка на ступени.

— Снимали? — спросил он.

— Нет.

— Трогали?

— Нет.

— Умница.

Он сказал это часам, не ей.

Лев вызвал фотографа из районной группы. Пока ждали, Зуев начал внешний осмотр. Вера стояла у стены и не вмешивалась. Теперь место принадлежало ему. От этого было легче ровно минуту.

Анна Корецкая сидела в бывшем кабинете теплолечения. Перед ней остывал чай в бумажном стакане. Когда Лев позвал её для объяснений, она вышла, сжимая телефон обеими руками.

— Я уже всё сказала.

— Теперь по порядку, — ответил он. — Когда вы видели Невского живым?

— Вечером. Около восьми.

— Где?

— В его комнате. Принесла таблетки.

— Какие?

Анна назвала препарат и дозу. Вера отметила, что ответ прозвучал быстро, без поиска в памяти.

— Назначение есть в карте? — спросила она.

Анна посмотрела на неё.

— Должно быть.

— Карта где?

— У меня в медпункте.

— Невский был официальным пациентом санатория?

— Он был постояльцем.

— Это не одно и то же.

— Игорь Викторович сказал, что документы оформят.

— Когда?

— Не знаю.

Лев вернул разговор к вечеру. Анна утверждала, что Невский был раздражён, жаловался на шум ремонта и требовал переселения. В двадцать два тридцать она пошла на обычный обход. Свет у лестницы горел. Тело она увидела из коридора, подошла, проверила признаки жизни и позвала Савельева.

— Почему не скорую? — спросил Лев.

— Потому что он был мёртв.

— Это вы установили?

— Я фельдшер пятнадцать лет.

— Тогда почему в журнале появилась причина смерти?

Анна опустила глаза.

— Я не писала причину смерти.

— Здесь написано «после падения с лестницы» и «несчастный случай». Почерк ваш?

— Мой. Но слова Игоря Викторовича.

— Руку он вам не держал.

Анна провела большим пальцем по краю телефона.

— Всё выглядело очевидно.

Вера увидела, как женщина старается не смотреть в конец коридора. Не на тело — на часы.

— Который был час, когда вы его нашли? — спросила она.

— Я сказала: около половины одиннадцатого.

— По чему вы определили?

— По телефону.

— Покажите последний вызов перед тем, как вы позвали Савельева.

Анна разблокировала экран. Лев переписал время. В двадцать два сорок три она звонила управляющему. До этого в журнале вызовов был пробел почти на два часа.

— А на часы над лестницей вы смотрели?

— Нет.

— Они висели там вечером?

— Наверное.

— Не «наверное». Вы проходили под ними, когда несли таблетки?

— Я шла другой лестницей.

— Когда увидели Невского, часы заметили?

— Нет.

Она ответила слишком резко и тут же добавила:

— Там человек лежал. Я на человека смотрела.

Это было разумно. Разумные ответы тоже могли быть неправдой, но Вера не стала давить. Страх Анны имел направление, однако пока было непонятно, чего именно она боялась.

Из двора донёсся шум двигателя. Через минуту в служебную дверь постучали. Лев пошёл открывать и вернулся не с фотографом, а с Павлом Ратмановым.

Павел вошёл без шапки, в старой кожаной куртке. За двенадцать лет он похудел, лицо вытянулось, а брови остались такими же густыми и чёрными. Вера вспомнила его над секционным столом: руки неподвижны, пока ординаторы суетятся; голос тихий, поэтому всем приходится замолчать.

Он увидел её сразу.

— Значит, всё-таки приехала.

— Ты тоже.

— Телефон разрядился. Сосед сказал, у дома полиция спрашивала.

Лев посмотрел на его пустые руки.

— Вы должны быть в Краснодаре.

— Поезд завтра утром. Отпуск с понедельника, я просто передал дела заранее.

— Кому?

Павел кивнул на Веру.

— Ей.

— Я приняла дела по электронной почте, — сказала она. — Не дежурство.

— А приехала на место.

— Меня попросили сохранить его до приезда Зуева.

Из глубины коридора донёсся голос эксперта:

— Ратманов, раз явился, не мешай. Иди к вахте.

Павел улыбнулся одним уголком рта.

— Михаил Петрович не меняется.

— Людям это только кажется, — сказала Вера.

Он всмотрелся в неё внимательнее.

— Соболезную насчёт Андрея.

— Спасибо.

— Я приходил.

— Мне сказали.

Оба понимали, что говорят не о похоронах. Двенадцать лет назад Павел тоже приходил — к ней в ординаторскую, с папкой по делу подростка. Просил не торопиться с отдельным мнением, дождаться комиссии. Вера дождалась. Потом уехала, а отдельного мнения так и не написала.

Павел расстегнул куртку и достал сложенный лист.

— Я осматривал Невского днём. Савельев просил зайти: тот жаловался на сердце. Ничего срочного не увидел. Здесь предварительная запись.

Вера не взяла бумагу.

— Почему она у тебя в кармане?

— Не успел подшить. Ты же знаешь, как здесь работают.

— Я помню, как здесь объясняют отсутствие документов.

Павел протянул лист Льву. Тот развернул его на стойке вахты. Вверху стояли фамилия Невского, дата рождения и несколько строк осмотра. Ниже была приписка: «Смерть ориентировочно наступила в 22:30 в результате травмы при падении». Под строкой — подпись Павла.

В коридоре стало слышно, как щёлкает одна из ламп.

— Вы составили это днём? — спросил Лев.

— Осмотр составил днём. Приписку сделал, когда мне позвонила Анна.

— Она звонила вам?

— С рабочего номера.

— Во сколько?

— Не помню. Около одиннадцати.

— Телефон был разряжен.

— Разрядился после разговора.

— Вы приехали только сейчас.

— Я живу на другом конце посёлка и сначала пытался завести машину.

Вера склонилась над листом, не касаясь его. В графе времени осмотра стояло 21:50. Чернила выглядели одинаково, но это ничего не значило: одной ручкой можно написать и через час.

— Ты был здесь в девять пятьдесят? — спросила она.

— Нет. Это время, когда Анна сообщила об ухудшении.

— В строке написано «осмотр».

— Форма старая. Другой графы нет.

— Тогда ты должен был написать словами, что получил сообщение. А не ставить время осмотра, которого не было.

Павел вздохнул.

— Вера, не устраивай экзамен в коридоре. Человек упал. Анна описала положение, отсутствие признаков жизни. Я зафиксировал предварительно, чтобы утром не восстанавливать по памяти.

— Ты зафиксировал причину и время смерти до осмотра тела.

— Ориентировочное время.

— До осмотра.

— Ты сама ещё его не осматривала полностью.

— Поэтому ничего и не подписала.

Савельев услышал голоса и снова вышел из кабинета.

— Павел Сергеевич, наконец-то. Объясните им, что тут произошло. У нас в главном корпусе люди. Если они проснутся и увидят полицию, завтра все уедут.

— Сколько гостей? — спросил Лев.

— Семеро.

— Раньше вы говорили «последние гости». Я думал, один или двое.

— Семь — это и есть последние. Сезон закончен.

— Комиссия к кому приезжает?

Савельев посмотрел на Анну.

— Никакая комиссия не приезжает. Встреча с подрядчиком.

— Подрядчик по ремонту?

— По хозяйственным вопросам.

— Название фирмы?

— Я предоставлю утром.

Павел положил ладонь на лист, словно хотел забрать его у Льва.

— Не надо раздувать. Михаил посмотрит и скажет то же самое. Падение, несчастный случай. Здесь половина лестниц опасная.

— Уже посмотрел, — раздался голос Зуева. — И пока сказал только то, что человек умер.

Он подошёл к вахте, снял перчатки и заметил бумагу.

— Это что?

Павел убрал руку.

— Предварительная запись.

Зуев прочитал приписку, затем посмотрел на часы над лестницей.

— Время откуда?

— Со слов фельдшера.

— Я такого времени не называла, — сказала Анна.

Все повернулись к ней.

— Что? — спросил Павел.

— Я сказала, что нашла его без двадцати одиннадцать. Я не говорила, когда он умер.

— Ты сказала, что тело ещё тёплое.

— Я сказала, что в коридоре жарко.

Павел замолчал. Вера увидела на его лице не растерянность, а досаду человека, чей аккуратно сложенный предмет развернули не с той стороны.

— Двадцать два тридцать показывают часы, — сказал Лев. — Почти.

— Двадцать два тридцать одна, — поправила Вера.

Зуев снял очки.

— Павел, ты определил время смерти по остановившимся настенным часам?

— Я их не видел.

— Тогда совпадение.

— Видимо.

— Плохое слово для документа с подписью.

Павел повернулся к Вере.

— Ты ведь понимаешь, что это предварительная бумага. Она никуда не пошла.

— Она уже здесь.

— Я исправлю формулировку.

— Исправишь после осмотра, отдельной записью, с объяснением. Не заменишь лист.

— Ты мне указываешь?

— Нет. Я говорю, чего не стану подтверждать как твоя заместительница.

Савельев повысил голос:

— Что значит «не стану»? У нас семь пожилых людей в корпусе. Им нельзя волноваться. Если полиция оцепит территорию, пойдут слухи. Один умерший человек превратится в закрытие санатория.

Вера посмотрела на него.

— Один умерший человек уже превратился у вас в строчку журнала.

— Он не «один умерший человек». Он жил здесь из милости. Мы помогали ему.

— Поселив в закрытом корпусе?

— В главном не было подходящей комнаты.

— При семи гостях?

Савельев сжал губы.

— У Невского были особые обстоятельства.

— Какие?

— Личные.

— Его или ваши?

Лев встал между ними не телом, а голосом:

— Игорь Викторович, возвращайтесь в кабинет. Утром дадите полное объяснение. Сейчас вы мешаете осмотру.

— Я позвоню в администрацию района.

— Позвоните. Телефон на столе, разговору никто не препятствует.

Савельев ушёл. Дверь он закрыл осторожно, и эта осторожность прозвучала громче хлопка.

Зуев сложил предварительный лист в прозрачный пакет.

— Это остаётся у полиции.

Павел нахмурился.

— На каком основании?

— На том, что бумага относится к умершему и содержит вывод до осмотра. Потом решите, оригинал это, черновик или литературное произведение.

— Там моя подпись.

— Именно.

Лев подписал пакет и попросил Павла расписаться на клапане. Тот сначала отказался, затем всё же взял ручку.

Вера следила за его рукой. Павел всегда писал быстро, соединяя последние буквы в одну наклонную линию. Сейчас он вывел фамилию медленно, отчётливо, будто чужой почерк мог отменить чужую бумагу.

— Где медицинская карта Невского? — спросил Зуев.

— В медпункте, — ответила Анна.

— Принесёте вместе с Львом. Ничего не вынимать, страницы не добавлять. Если карта не оформлена — несите всё, что есть.

Анна поднялась. Павел шагнул к ней, но Лев оказался рядом раньше.

— Я провожу.

Они ушли через служебную дверь. Павел смотрел им вслед.

— Она напугана, — сказал он.

— Здесь все напуганы, — ответила Вера.

— У Анны мать после инсульта. Работа единственная. Не надо делать её крайней из-за неудачной записи.

— Я её крайней не делаю.

— Ты никогда не умела вовремя остановиться.

Вера почувствовала старую злость — не горячую, а точную, как боль от нажатия на давний шрам.

— Двенадцать лет назад я как раз остановилась вовремя. Для всех, кроме умершего мальчика.

Павел побледнел.

— Не здесь.

— Согласна. Здесь другой умерший.

Зуев сделал вид, что проверяет содержимое чемодана. Вера была ему благодарна и одновременно сердилась, что он слышал.

Павел застегнул куртку.

— Я останусь до конца осмотра.

— Останешься у вахты, — сказал Зуев. — И вспомнишь точное время звонка Анны.

Через сорок минут фотограф закончил с лестницей и часами. Их сняли со стены в присутствии Льва. На обратной стороне корпуса лежал тонкий слой пыли, но вокруг крышки батарейного отсека поверхность была протёрта. Батарейка оказалась на месте.

— Села? — спросил Лев.

Фотограф осторожно вынул её и передал Зуеву.

— Проверим отдельно.

Вера посмотрела на крючок. Металл блестел, на резьбе не было ни ржавчины, ни строительной пыли. Старые отверстия справа были забиты серой крошкой.

— Кто-то готовил стену, — сказал Лев.

— Или просто перевешивал часы, — ответила Вера.

— Ты опять защищаешь простую версию?

— Я защищаю порядок. Сначала действие: часы сняли со старого места, отверстия замазали, сделали новое крепление. Потом вопрос зачем.

— Чтобы поставить время смерти.

— Возможно.

— Ненавижу это твоё слово.

— Оно дешевле судебной ошибки.

К рассвету тело увезли. Лестница осталась пустой, и без человека у нижней ступени вся сцена выглядела иначе. Тапок, очки и часы лежали в отдельных пакетах. Простая картинка распалась на предметы, каждый из которых требовал собственного объяснения.

Анна вернулась с папкой. В ней нашлись лист назначений, несколько результатов старых обследований и незаполненный договор на проживание. В строке о вечерней выдаче лекарства стояла подпись Анны. Времени не было.

— Почему карта у вас, если Невский жил в другом корпусе? — спросил Лев.

— Все карты хранятся в медпункте.

— Кто имеет ключ?

— Я, Павел Сергеевич и дежурная сестра главного корпуса.

— Савельев?

— У него общий комплект от помещений.

Павел стоял у окна, глядя во двор. Когда Лев попросил его ещё раз назвать время разговора с Анной, он сказал: двадцать два сорок семь.

— Через четыре минуты после её звонка Савельеву, — заметил Лев.

— Вероятно, он и велел ей позвонить мне.

— Рабочий телефон медпункта покажет исходящий вызов?

— Если журнал не очищен.

Анна подняла голову.

— Я не звонила вам из медпункта.

— Значит, Савельев звонил, — сказал Павел.

— Вы сказали: Анна.

— Я мог перепутать. Ночь, человек умер.

Вера ничего не сказала. Ошибка могла быть обычной. Но Павел сначала помнил голос Анны, её слова и даже описание температуры тела, а теперь не помнил, кто звонил.

Зуев закрыл чемодан.

— Окончательные выводы будут после исследования. До тех пор никаких причин смерти вслух, в журналах и особенно по телефону знакомым. Вера, ты со мной до машины.

Во дворе дождь ослаб. Небо над морем стало светло-серым, и здания санатория проступили из темноты: облупленные стены, пустые балконы, заросшая дорожка к пляжу.

Зуев открыл багажник.

— Ты понимаешь, во что входишь?

— В отпуск Ратманова.

— Не шути. Павел написал время не с потолка. Либо видел тело раньше, либо ему его назвали. Оба варианта плохие.

— Есть третий. Он увидел часы раньше меня.

— И соврал, что не видел.

— Поэтому этот вариант тоже плохой.

Зуев поставил чемодан в машину.

— Я сообщу руководству, что ты присутствовала как врач до моего приезда и ничего не перемещала. Но с понедельника всё это станет твоей работой. Если хочешь отказаться от замещения, делай это сегодня.

— Почему я должна отказаться?

— Потому что Ратманов твой бывший наставник. Потому что у вас старая история. И потому что в маленьком посёлке расследуют не событие, а всех знакомых сразу.

Вера посмотрела на окна закрытого корпуса. Крайнее окно второго этажа теперь было видно ясно. За ним висела светлая занавеска. В комнате никто не двигался.

— Если я откажусь, история никуда не денется.

— Зато у тебя сохранится удобная причина не знать продолжения.

Он сел за руль и захлопнул дверь.

У служебного входа Павел курил, прикрывая огонёк ладонью. Савельев говорил по телефону возле котельной. Анна сидела в машине Льва. Трое живых держались друг от друга на расстоянии, будто пустой двор уже поделили невидимые границы.

Вера достала блокнот. Под вчерашними строками записала:

«Предварительный лист: 22:30, подпись Павла, до осмотра. Источник времени меняется. Анна отрицает, что называла его. Савельев требует сохранить спокойствие гостей».

Потом добавила:

«Проверить звонки. Не подтверждать документ».

Она закрыла блокнот. В доме отца её ждали холодный суп и закрытая мастерская. До понедельника оставалось два дня, но работа уже началась — не по приказу и не по расписанию, а с отказа поставить подпись там, где кто-то оставил для неё удобное место.

Глава 3. Сухой дождь

Когда Зуев попросил перевернуть тело, с подошвы правого ботинка посыпался песок.

Его было немного — две тёмные щепотки на сером линолеуме. Но песок оказался влажным. Несколько крупинок слиплись у каблука, одна прилипла к белому краю масштабной линейки, которую фотограф положил рядом. Вера увидела это с другого конца коридора и не двинулась с места.

Теперь любое её движение замечали. Павел стоял у вахты, сложив руки на груди. Савельев то уходил в кабинет, то снова появлялся в дверях. Анна сидела в бывшем теплолечении, но дверь оставалась открытой. Лев разговаривал по телефону с дежурным следователем и поглядывал на Веру так, будто заранее слышал вопрос, который она ещё не задала.

Зуев поднял глаза.

— Ланская, ты что увидела?

— На правой подошве мокрый песок.

— Я тоже не ослеп.

— На левой почти нет.

Зуев посветил фонариком, затем велел фотографу снять обе подошвы отдельно. На левой застряли сухая серая пыль и тонкое сосновое семечко. Правая была темнее по краю, словно Невский наступил в мокрое место только одной ногой или вторую поставил уже на чистую поверхность.

— В прихожей номера мог натоптать, — сказал Павел.

Вера повернулась к нему.

— Ты был в его номере?

— Днём.

— Там песок?

— В санатории у моря везде песок.

— Везде — это не место.

— А мокрый — это не убийца, — ответил Павел.

Зуев распрямился.

— Оба правы и оба мешаете. Песок упакуем. Коридор снимем. Потом будете спорить на улице.

На улице шёл дождь, но коридор оставался сухим. Это было первое, что Вера заметила ещё ночью: у служебного входа лежал резиновый коврик, на нём — следы сапог фотографа и Зуева, появившиеся уже после оцепления. Дальше вода не прошла. Старые окна закрывались неплотно, однако под рамами не было ни луж, ни потёков. Крытая галерея соединяла лестничный корпус с главным зданием, и последние гости могли пройти сюда, не ступая под дождь.

Лев закончил разговор и подошёл к Зуеву.

— Следователь будет к семи. Просит ничего не вывозить до его приезда, кроме тела, если вы считаете, что ждать нельзя.

— Я считаю, что мёртвому от ожидания хуже не станет, а живым станет, — сказал Зуев. — Но до семи управимся. Обувь отдельно. Одежду отдельно. Песок не стряхивать.

— Это и без напоминания ясно, — отозвался Павел.

Зуев посмотрел на него поверх очков.

— Если бы здесь всем всё было ясно, у меня не лежал бы на вахте лист с причиной смерти, написанной раньше осмотра.

Павел отвернулся.

Лев жестом позвал Веру к окну. За стеклом ветер гнал дождь почти горизонтально, но на подоконнике с внутренней стороны лежала ровная пыль.

— Ты здесь как кто? — спросил он тихо.

— Как человек, который заметил песок.

— Это не должность.

— С понедельника я замещаю Ратманова.

— Сегодня суббота.

— Формально уже воскресенье.

— Формально ты не назначена по этому случаю. Осмотр ведёт Зуев. Проверку веду я до приезда следователя. Ты сохранила место, за что спасибо. Дальше не надо делать вид, будто вопрос решается календарём.

Вера посмотрела на его мокрый рукав. Лев успел несколько раз выйти во двор и вернуться, но ни одного следа дальше коврика не оставил.

— Хорошо. Тогда вопрос от свидетеля. Откуда на ботинке Невского мокрый песок, если его нашли в сухом коридоре, а дорожка к корпусу закрыта?

— Почему ты решила, что дорожка закрыта?

— Савельев сказал. И ворота я видела из машины: на цепи.

— Вот теперь это вопрос, а не заключение.

Он говорил без раздражения, и от этого Вере было неприятнее. В школе Лев точно так же исправлял чужие ответы у доски: не насмехался, просто отделял то, что человек знал, от того, что ему хотелось знать.

— Проверим дорожку, — сказал он. — Ты останешься здесь.

— Почему?

— Потому что я не беру свидетеля искать подтверждение его собственной версии.

— У меня нет версии.

— Тогда тебе будет легко подождать.

Лев попросил фотографа после коридора выйти во двор. Савельева вызвал к себе и потребовал схему территории, ключи от калиток и список тех, кто имел доступ к закрытому крылу. Управляющий принёс связку с пластмассовыми бирками. На одной маркером было написано «МОРЕ», на другой — «КОТ.», на третьей надпись стёрлась.

— Морская калитка закрыта с первого октября, — сказал Савельев. — После штормов ступени скользкие. Проход запрещён.

— Кто закрыл?

— Завхоз.

— Имя?

— Пётр Алексеевич Сивцов.

— Где он?

— В отпуске. Уехал к дочери в Майкоп.

— Второй ключ есть?

— Это единственный.

Лев снял бирку «МОРЕ» со связки и положил ключ в пакет.

— А цепь снаружи открывается этим ключом?

— Да.

— Значит, человек, который запирает калитку снаружи, остаётся у моря?

Савельев нахмурился.

— Там навесной замок можно развернуть через решётку. Рука проходит.

— Покажете.

— Сейчас?

— Дождь вас смущает?

— Меня смущает, что вы превращаете несчастный случай в обыск.

— Пока я прошу открыть свою калитку. Для обыска у меня были бы другие слова.

Савельев надел плащ поверх пиджака. Вера заметила, что плащ новый, тёмно-зелёный, без единой капли до того, как он вышел под дождь. Она запомнила это и тут же рассердилась на себя. Запоминать всё подряд было старой привычкой, а привычка легко притворялась полномочием.

Лев ушёл с управляющим и фотографом. Зуев продолжил работу. Он не задавал Вере вопросов, но через несколько минут протянул ей чистый бланк.

— Запиши, где стояла, когда впервые увидела обувь, и что именно сказала. Без выводов.

— Лев велел мне ждать.

— Вот и жди с пользой. Свидетель тоже умеет писать.

Она села за стойку. На бланке было напечатано название районного отдела, которого уже три года не существовало. Вера указала время, место, расстояние до тела, положение правой стопы и видимые тёмные крупинки у края подошвы. Написала: «После изменения положения тела с подошвы правого ботинка отделилось небольшое количество влажного песка». Слово «влажного» подчеркнула, потом зачеркнула линию: подчёркивание выглядело как попытка подсказать, чему придавать значение.

Павел остановился рядом.

— Ты всегда так писала. Будто каждое слово потом будут судить отдельно.

— Иногда так и происходит.

— Ты приехала дом продавать или меня проверять?

— Дом разбирать. Тебя не планировала.

— А получилось удобно.

— Мне — нет.

Павел посмотрел на лист перед ней.

— Песок мог остаться с дня. Невский ходил к морю. Подошва рифлёная, там держится грязь.

— Мог.

— Ночью сыро. Конденсат, влажный пол, что угодно.

— Могло быть.

— Тогда почему ты смотришь так, будто поймала кого-то на лжи?

Вера положила ручку.

— Потому что ты предлагаешь объяснения быстрее, чем мы успеваем задать вопрос.

— Я здесь работаю. Я знаю место.

— Тогда скажи, где именно Невский мог одной правой ногой наступить во влажный песок, а левой принести сухую пыль и семечко.

Павел помолчал.

— На краю дорожки. Одной ногой в лужу, другой на бетон.

— Хорошо. Где эта дорожка?

— Вера, я не обязан играть с тобой в экзамен.

— Не обязан.

Она снова взяла ручку. Павел ушёл к окну и встал спиной к коридору.

Зуев закончил осмотр около пяти утра. Тело перенесли на каталку и закрыли. Когда колёса проехали мимо вахты, одно заскрипело, другое оставило тонкую влажную дугу от входного коврика. Вера проводила каталку взглядом и увидела, как Савельев возвращается со двора без Льва. По нижнему краю его плаща налипли светлые брызги.

— Калитка закрыта, — сообщил он. — Цепь на месте. Я же говорил.

— Лев где?

— Спустился к морю с другой стороны. Решил осматривать склон.

— Один?

— Фотограф с ним. Мне велели вернуться.

Савельев снял плащ и повесил на спинку стула. Вода быстро собралась на полу. Песка под его ботинками не было — только тёмные следы чистой резины.

Вера дописала объяснение и отдала Зуеву. Тот прочёл, кивнул и вложил лист в прозрачный файл.

— Теперь домой, — сказал он.

— Я дождусь Льва.

— Зачем?

— Он задавал вопрос о моём положении в деле.

— И ты хочешь ответить до завтрака?

— Хочу понимать, что могу делать дальше.

— Дальше ты можешь принять у меня материалы в понедельник, если приказ о замещении настоящий. Сегодня можешь быть свидетелем. Или дочерью, которая наконец разберёт отцовский дом. Выбор большой.

— А если к понедельнику всё назовут несчастным случаем?

Зуев застегнул чемодан.

— Тогда в понедельник ты читаешь основания и либо соглашаешься, либо пишешь возражение. Не устраиваешь второе следствие в кармане пальто.

— Лист Павла уже пытался стать основанием.

— Не стал. Потому что ты его увидела, Анна заговорила, а Туманов не поленился упаковать бумагу. На сегодня этого достаточно.

Зуев поднял чемодан и добавил:

— Профессионализм — это не когда ты везде успела первой. Это когда после тебя другой человек может проверить, что ты сделала.

Он ушёл вслед за каталкой. Павел задержался у двери.

— Ты ведь понимаешь, что Михаил всё равно не назовёт время до исследования?

— Понимаю.

— Тогда мой лист ничего не меняет.

— Ты хотел, чтобы менял.

Павел застегнул куртку.

— Я хотел, чтобы утром не началась деревенская охота на виноватого. Невский упал. Анна нашла. Игорь перепугался. Ничего сложного.

— Тебе звонила Анна или Игорь?

— Я уже ответил.

— Ты ответил дважды по-разному.

— Потому что ночь и потому что вы задаёте одно и то же шестью способами.

— Обычно это помогает услышать один правдивый ответ.

Он толкнул дверь, но на пороге обернулся.

— Двенадцать лет в городе не сделали тебя добрее.

— А двенадцать лет здесь не сделали тебя точнее.

Павел вышел. Вера сразу пожалела о последней фразе. Не потому, что она была жестокой, а потому, что была удобной. Такие фразы завершали разговор, не приближая к факту.

Лев вернулся через двадцать минут. На нём был чужой жёлтый дождевик, слишком широкий в плечах. Брюки ниже колен потемнели от воды. Фотограф нёс камеру под курткой и ругался на ступени.

— С моря проход есть, — сказал Лев Савельеву. — Цепь закрыта, замок рабочий. На дорожке ветки и слой хвои. Явных следов прохода не видно, но дождь шёл несколько часов. Утром вызовем специалиста.

— То есть никто там не ходил, — сказал управляющий.

— Я сказал другое.

— Вы только что сказали, что следов нет.

— Я сказал, что явных следов не видно. Не переводите мои слова на удобный вам язык.

Вера невольно улыбнулась. Лев заметил.

— Что смешного?

— Ничего. Узнала школьную интонацию.

— А я узнал человека, которому велели ждать и который всё-таки допросил половину коридора.

— Я никого не допрашивала.

— Ратманов вышел злой. Значит, либо допрашивала, либо поздоровалась.

Савельев посмотрел на них с раздражением.

— Если вы закончили встречу выпускников, я могу закрыть корпус?

— Нет, — сказал Лев. — До приезда следователя помещения остаются закрыты. Ключи передадите мне. В главном корпусе предупредите персонал: никто не входит сюда и ничего не убирает.

— Здесь семь пожилых людей. Им нужен завтрак, процедуры, тепло.

— Главный корпус работает. Этот — нет.

— Котельная управляется отсюда.

— Вы говорили, что котельная в пристройке.

Савельев на секунду замер.

— Щит управления здесь. Автоматика старая.

— Покажете следователю.

— Вы специально ставите санаторий на грань закрытия.

— Нет. Я специально не позволяю утром вымыть коридор, где ночью умер человек.

Савельев снял ключи с пояса и положил на стойку. Металл звякнул громче, чем требовалось.

Когда управляющий ушёл, Лев повернулся к Вере.

— Теперь ты тоже уходишь.

— Сначала скажи про песок.

— На морской дорожке песок мокрый.

— Цвет?

— Светлый, с мелкой ракушкой.

— На подошве тёмный.

— На подошве он смешан с грязью. Сравнивать глазами в коридоре бессмысленно.

— Где ещё мокрый песок?

— На пляже, у стройки, возле теплотрассы, в детской песочнице, если она здесь есть. Посёлок стоит на песке.

— Но не этот коридор.

— Не этот коридор.

Вера ждала продолжения. Лев снял жёлтый дождевик, свернул мокрой стороной внутрь и положил в пластиковый таз у двери.

— На закрытой дорожке хвоя лежит ровно, — сказал он. — Если Невский прошёл там вечером, до сильного дождя, что-то могло остаться. Если после начала дождя — тоже могло, но вода многое смыла. Калитку можно открыть и закрыть с обеих сторон. Замок чистый, без ржавчины. Им пользовались после первого октября или хотя бы смазывали.

— Савельев соврал, что проходом не пользуются.

— Возможно. Или завхоз открывал его для работы. Или кто-то ходил к морю тайком. Это не одно и то же.

— Сними с замка следы.

— Специалист снимет.

— До семи два часа. Савельев может сказать, что ему нужен доступ к котельной, и выдать другой ключ.

— Ключи у меня. Калитку сфотографировали. Пост у входа поставлю.

— Хорошо.

— Не «хорошо», Вера. Ты сейчас отдаёшь указания человеку, который отвечает за сохранность места, хотя сама в деле свидетель. Это не мелочь.

Она опёрлась ладонями о стойку.

— Ты хочешь, чтобы я молчала, когда вижу риск?

— Я хочу, чтобы ты называла риск и позволяла тому, кто отвечает, принять решение.

— Разница в одном глаголе.

— Разница в последствиях. Если я ошибусь, это будет моя ошибка в материалах проверки. Если ты полезешь за замок сама, хороший адвокат потом спросит, почему свидетельница искала именно там и что успела потрогать до фиксации.

— Я ничего не трогала.

— Пока.

Слово задело сильнее, чем должно было. Вера выпрямилась.

— Ты считаешь, что я способна подложить улику?

— Нет. Я считаю, что ты способна испортить настоящую улику, потому что уверена, будто осторожнее остальных.

В коридоре заскрипела лампа. За окнами посерело: ночь не закончилась, но темнота стала тоньше.

— Это из-за старого дела? — спросила Вера.

— Я старого дела не видел.

— В посёлке его все видели, не открывая папки.

— Именно поэтому я говорю о нынешнем. Ты приехала вчера. Сегодня уже стоишь между экспертом, бывшим наставником и человеком, которого знала в школе. У тебя здесь отец умер, сестра злится, дом закрыт. Ты можешь быть лучшим медиком в крае и всё равно не быть нейтральной.

— Нейтральных людей не бывает.

— Бывают проверяемые действия.

Она вспомнила слова Зуева и поняла, что они с Львом либо сговорились, либо просто работали дольше неё в месте, где каждому приходилось доказывать не только правоту, но и порядок, которым к ней пришли.

— Тогда зафиксируй моё сообщение, — сказала Вера. — Влажный песок на правой подошве не объясняется местом обнаружения. Сухой коридор, закрытая дорожка, отсутствие мокрых следов между входом и лестницей. Требуется установить маршрут Невского до смерти и сравнить образец с доступными участками территории.

Лев достал блокнот.

— Уже лучше. Только «не объясняется» замени на «происхождение не установлено».

— Почему?

— Потому что завтра уборщица покажет дырку в крыше, которая капает ровно в один тапок, и твоя фраза станет глупой.

— Здесь нет тапка.

— Вот за это тебя и любят.

— Кто?

— Не знаю. Я двенадцать лет не проводил опрос.

Он записал её сообщение почти дословно, дал прочитать и попросил расписаться на полях. Вера поставила подпись и дату.

— Теперь граница понятна? — спросил Лев.

— Я сообщаю наблюдение. Ты решаешь, что с ним делать. Зуев исследует то, что относится к его работе.

— Да.

— А если вы ничего не делаете?

— Требуешь письменного отказа или обращаешься выше. Не лезешь ночью в закрытый корпус.

— Я уже в закрытом корпусе.

— Поэтому формулировка такая точная.

Он оторвал лист из блокнота, вложил в папку и впервые за ночь выглядел не сердитым, а усталым.

— Иди домой, Вера. Здесь до семи ничего нового не случится.

— Это ты обещаешь как участковый или как школьный друг?

— Как человек, который поставит у двери сержанта с плохим настроением.

У служебного входа действительно появился сержант. Он сидел в машине, грел руки о бумажный стакан и смотрел на санаторий с личной обидой. Лев объяснил ему, кого впускать. Вера вышла под навес.

Дождь ослаб. За оградой тянулась пустая улица, дальше шумело море. В свете фонаря асфальт блестел, а полоса земли вдоль забора превратилась в кашу. Вера присела, не сходя с бетонной ступени. Здесь песок был почти чёрным от перегноя и мелких сосновых игл. Она не тронула его.

На стоянке оставались четыре машины: полицейская, фургон фотографа, серебристая «Лада» Савельева и тёмный универсал Павла. Машина Павла стояла носом к выезду. На коврике у водительской двери лежала светлая россыпь, которую дождь уже размывал.

Вера сделала шаг к стоянке и остановилась.

Ей достаточно было позвать Льва. Это и была граница — не запрет видеть, а обязанность не превращать увиденное в своё владение.

— Туманов, — сказала она.

Он показался в дверях.

— Что ещё?

— У машины Павла светлый песок. Со стороны водителя. Дождь смывает.

Лев не спросил, почему она смотрела. Позвал фотографа, велел сержанту никого не выпускать со стоянки и только потом подошёл к краю навеса. Они стояли рядом, не сходя на мокрый асфальт.

— Похож? — спросила Вера.

— На песок, — ответил он. — Этого пока достаточно.

Павел вышел из корпуса через минуту. Увидел камеру у своей машины и остановился.

— Теперь что?

— Где вы были вчера вечером до звонка? — спросил Лев.

— Дома.

— Машиной пользовались?

— Днём ездил в магазин.

— К морю?

— Нет.

— К санаторию?

Павел перевёл взгляд на Веру.

— Нет.

Фотограф снял песок крупным планом. Под светлой россыпью виднелся узкий отпечаток подошвы, наполовину залитый водой. Он был меньше ботинка Невского и мог принадлежать кому угодно.

— Машину пока не трогайте, — сказал Лев.

— На каком основании?

— На основании вашей добровольной помощи проверке. Если не хотите — дождёмся следователя и решим иначе.

Павел сжал губы.

— Я никуда не уезжаю.

Он вернулся под навес, но не в корпус. Встал у стены рядом с Верой.

— Довольна?

— Нет.

— Ты всегда говорила это так, будто недовольство доказывает честность.

— А ты всегда путал спокойствие с невиновностью.

Павел посмотрел на стоянку.

— Песок из магазина. Там ремонтируют вход.

— Скажи Льву.

— Я тебе говорю.

— Я больше не собираю твои объяснения.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Быстро выстроила границы.

— Мне помогли.

На рассвете дождь прекратился. С крыши ещё капало, море гудело за пустыми корпусами, и санаторий казался кораблём, который сел на мель и продолжал по привычке освещать палубы. На ступенях служебного входа вода блестела. Внутри, за стеклянной дверью, пол оставался сухим.

Вера смотрела на эту резкую черту и думала о правом ботинке Невского. Человек мог принести морской песок из десятка мест. Мог наступить в него за час до смерти или утром. Мог не пройти ни одного шага по коридору самостоятельно.

Последнюю мысль она не сказала вслух. Пока это была не улика, а дверь, которую слишком легко открыть раньше времени.

Глава 4. Комната с двумя чашками

Следователь приехал в семь двадцать, когда в главном корпусе «Прибоя» начали накрывать завтрак.

Его звали Сергей Нестеров. Он был моложе Веры лет на десять, носил короткую куртку без капюшона и говорил так, словно каждую фразу сначала сокращал про себя. Лев встретил его у служебного входа. Они просмотрели фотографии, объяснения и предварительный лист Павла, после чего Нестеров разрешил открыть номер Невского.

Веру он выслушал отдельно.

— Вы кем приходитесь умершему?

— Никем.

— В санатории работаете?

— С понедельника замещаю районного судебного медика. Сегодня официально не дежурю.

— Почему оказались здесь?

— Участковый попросил сохранить место до приезда дежурного эксперта.

Нестеров посмотрел на Льва.

— Просил?

— Просил, — подтвердил тот. — Я не мог одновременно держать вход, персонал и лестницу.

— Что трогали?

Вера перечислила. Дверную ручку через салфетку — только чтобы закрыть корпус до приезда группы. Ничего возле тела. Часы не снимала. Документы не брала. К песку не подходила.

— В номер входили?

— Нет.

— Тогда и сейчас не входите.

— Не собиралась.

Нестеров задержал на ней взгляд, будто решал, считать ли ответ дерзостью. Потом кивнул.

— Постойте в дверях. Если увидите то, что связано с медициной, скажете. Один раз. Дальше решу я.

Лев отвернулся, скрывая улыбку.

Номер Невского находился на втором этаже закрытого крыла. По документам ремонт здесь начался шесть недель назад, но следов работы почти не было. У стены стояли три мешка сухой смеси, поверх них лежала чистая газета. Плинтусы сняли только возле лестницы. На дверях сохранились латунные цифры, а на ковре — светлые прямоугольники там, где раньше стояли кресла.

Комната номер двести четырнадцать открылась ключом Савельева. Управляющий уверял, что дубликат лежал в сейфе и никто им не пользовался. Нестеров спросил, откуда тогда у Анны доступ к постояльцу.

— У Невского был свой ключ, — ответил Савельев. — Он открывал ей.

— А уборка?

— В закрытом крыле уборки не было.

— Постель сама менялась?

— Невский не хотел персонал в комнате. Брал бельё у горничной.

— Очень самостоятельный постоялец.

— Он жил здесь раньше. Знал порядок.

— Какой порядок? Без договора, без уборки, без записи в обычном реестре?

Савельев поджал губы.

— Игорь Викторович, — сказал Нестеров, — если каждый мой вопрос вы будете принимать за обвинение, мы закончим к следующему сезону.

В комнате пахло яблочным табаком, хотя пепельницы не было. Односпальная кровать застелена серым покрывалом. На подоконнике стоял дорожный радиоприёмник, рядом лежали очки в жёстком футляре. Чемодан был раскрыт на табурете: две рубашки, свитер, носки, всё сложено аккуратно. На столе — шахматная доска размером с тетрадь, блокнот, тарелка с засохшей коркой хлеба и две чашки.

Одна чашка была санаторная: толстый белый фарфор, выцветшая синяя волна по краю. Вторая — тонкая, тёмно-зелёная, с золотой ручкой. Они стояли по разные стороны стола. В белой на дне остался бурый чайный ободок. Зелёная казалась чистой, но на внутренней стенке блестела прозрачная капля.

Между чашками лежала чайная ложка. Она была мокрой.

— Окно закрыто, батарея тёплая, — сказал фотограф. — За ночь сама не высохла бы только под водой.

— Вы фотографируйте, — ответил Нестеров. — Сохнуть я позову специалиста.

Вера стояла за порогом. Отсюда было видно, что у белой чашки лежал разорванный пакетик чая, у зелёной — ничего. Сахарница закрыта. На тарелке рядом с хлебом темнела круглая отметина, будто там недавно стоял маленький пузырёк.

— Анну позовите, — сказал Нестеров.

Лев ушёл. Савельев остался у стены коридора и вдруг заинтересовался мешками смеси.

— Зелёная чашка из санатория? — спросил Нестеров.

— Нет. У нас все белые.

— Чья?

— Невского, наверное.

— Вы видели её раньше?

— Я не проверяю посуду гостей.

— Он гость или неучтённый жилец?

— Я уже объяснил.

— Нет. Вы дали несколько названий одному человеку. Объяснение будет, когда они совпадут.

Анна поднялась на второй этаж вместе с Львом. За ночь она переоделась: вместо медицинского костюма на ней были джинсы и длинный серый свитер. Волосы оставались влажными после душа. Увидев открытую дверь, она остановилась.

— Зачем меня сюда привели?

— Узнать чашки, — сказал Нестеров.

— Какие?

Он пропустил её к порогу, но не позволил войти. Анна посмотрела на стол.

— Белая наша.

— Зелёная?

— Не знаю.

— Вы вчера заходили в эту комнату?

— Да. Около восьми. Я уже говорила.

— Что принесли?

— Таблетку и воду.

— В чём воду?

Анна моргнула.

— В чашке.

— В какой?
— В белой. Наверное. Я не помню цвет каждой чашки.
— Невский пил чай?
— До меня пил.
— Один?
— В комнате никого не было.
— Вы видели вторую чашку?
— Нет.
— Чайную ложку мыли?
Анна посмотрела на мокрый металл.
— Нет.
— Лекарство растворяли?
— Оно в таблетке. Он запил водой.
— Пузырёк приносили?
— Какой пузырёк?
Нестеров указал на круглую отметину на тарелке, не заходя в комнату.
— Здесь что-то стояло.
— У Невского были сердечные капли. Он мог поставить.
— Название?
Анна назвала препарат. Вера знала его: обычное средство, которое многие пожилые люди носили по привычке, хотя серьёзную проблему оно не решало.
— В карте есть назначение? — спросил Нестеров.
— Нет. Это его собственное.
— Где пузырёк?
Анна оглянулась, будто он мог стоять на шкафу.
— Не знаю.
— Когда вы уходили, чашка с водой где была?
— На столе.
— Пустая?
— Да.
— Вы её не забрали?
— Нет.
— Ложку не мыли?
— Я уже сказала: нет.
Её голос стал громче. Нестеров не повысил своего.
— Кто вошёл после вас?
— Не знаю.
— Невский кого-то ждал?
— Он никого не ждал.
— Откуда вы знаете?
Анна сжала рукава свитера в кулаках.
— Он хотел, чтобы я ушла. Значит, не хотел гостей.
— Это не значит.
— Для него значило. Он любил заставить человека стоять в дверях, пока сам сидит. Показывал, кто здесь хозяин.
Нестеров сделал короткую запись.
— О чём вы говорили?
— О лекарстве.
— Сколько времени?

— Минуты три.

— Он был раздражён из-за ремонта?

Анна посмотрела на Веру. Именно это она говорила ночью.

— Да.

— Из-за какого шума?

— Что?

— Вы сказали участковому: Невский жаловался на шум ремонта. Здесь ремонт не идёт. Мешки не вскрыты, инструмента нет. Какой шум он слышал?

Савельев вмешался:

— Днём рабочие снимали плинтус.

— Я Анну спрашиваю.

— Плинтус, — сказала она. — Стучали.

— В восемь вечера?

— Раньше. Он говорил о дневном шуме.

— Кто работал?

— Не знаю.

Нестеров повернулся к управляющему.

— Список рабочих и время ухода.

— Я принесу.

— Не вы. Туманов с вами сходит.

Лев кивнул. Савельев не двинулся.

— Сейчас?

— Сейчас.

Когда они ушли, Анна прислонилась к стене.

— Вы думаете, я его отравила?

— Я думаю, в комнате две чашки, — сказал Нестеров. — Вы говорите, что видели одну. Ложка вымыта после того, как вы ушли, если вы говорите правду. Мне нужно узнать, кто пил из второй.

— Зелёная могла стоять в шкафу.

— Могла. Тогда кто поставил её на стол?

— Невский.

— Зачем?

— Я не знаю, зачем он делал половину вещей.

— А вторую половину знаете?

Анна побледнела.

— Это что значит?

— Пока вопрос.

Нестеров велел фотографу снять шкаф до открытия. В верхнем отделении стояли три белые чашки с синими волнами, две тарелки и стеклянный стакан. Зелёной пары не было. В нижнем лежали пакеты с чаем, сахар, пачка сухого печенья и бутылка минеральной воды. Бутылка закрыта, заводское кольцо цело.

— Чем он запил таблетку? — спросил Нестеров.

Анна подошла ближе к двери.

— Вода была в графине.

На тумбочке стоял пустой стеклянный графин. Внутри оставалась узкая влажная дорожка.

— Вы налили из него?

— Да.

— Куда потом поставили чашку?

— На стол. Я говорила.

— Белая чашка с чайным следом или зелёная чистая?

Анна закрыла глаза на секунду.

— Белая. Кажется, белая.

— Если в ней был чай, вы налили воду поверх?

— Она была пустая.

— Но не чистая.

— Невский не жаловался.

Вера увидела, как Анна ищет безопасный ответ и каждым новым словом делает его менее безопасным.

— Можно один медицинский вопрос? — спросила она.

Нестеров кивнул.

— Таблетку вы достали из своей упаковки или из упаковки Невского?

— Из своей. Из укладки.

— Голыми руками?

— В блистере. Я выдавила ему на ладонь.

— Он проглотил при вас?

— Да.

— После воды пожаловался на вкус?

— Нет.

— Кашлял?

— Нет.

— Значит, вы видели, как он держал чашку. Какую?

Анна резко посмотрела на неё.

— Белую.

Теперь ответ прозвучал уверенно.

— Какой рукой?

— Правой.

— За ручку?

— Да.

— На белой ручка маленькая. Он продел палец или держал корпус?

— Я не помню.

— Тогда цвет вы тоже могли восстановить не из памяти, а потому, что белая чашка выглядит подходящей.

Нестеров поднял ладонь.

— Достаточно. Анна Викторовна, не угадывайте. Если не помните — так и говорите.

Анна отступила от двери.

— Я принесла лекарство и ушла. Всё.

— Во сколько ушли?

— Около восьми пяти.

— Кто видел?

— Никто. На этаже никого не было.

— Камеры?

— В закрытом крыле отключены, — сказала она.

— Откуда знаете?

— Савельев говорил.

— Когда?

— Когда поселил сюда Невского.

Это была первая фраза, после которой Нестеров не задал вопрос сразу. Он посмотрел в блокнот, затем на Анну.

— Вы присутствовали при заселении?

— Я оформляла медицинскую карту.

— Значит, знали, что он живёт здесь неофициально.

— Знала, что договор ещё не подписан.

— И знали, что камеры отключены.

— Это не преступление.

— Я не называл преступлением.

Анна прикусила губу.

— Можно мне уйти?

— В главный корпус. Из санатория пока нет.

— Я не задержана.

— Нет. Но вы свидетель. Мне нужно закончить осмотр и ещё раз с вами поговорить. Если хотите уехать, сообщите куда.

Она ушла, стараясь не смотреть на Веру.

В комнате начали упаковывать посуду. Каждую чашку брали отдельно. Ложку сначала сняли крупно, потом поместили в маленький пакет так, чтобы мокрый металл не касался бумаги с надписью.

— Почему ложка важна? — спросил фотограф.

— Пока она просто чистая, — сказал Нестеров.

— И мокрая.

— И мокрая.

Вера посмотрела на раковину в крошечной ванной. На белом фаянсе не было заметных брызг. Полотенце висело ровно, его нижний край был сухим. В сливе блестела вода, но это ничего не доказывало: сифон не обязан высыхать.

— Раковину снимите, — сказала она.

Нестеров поднял голову.

— Почему?

— Если ложку мыли здесь недавно, могли остаться брызги или частицы. Если не здесь, значит, её принесли мокрой или мыли в другом месте.

— В ванной были?

— Нет. Вижу от двери.

Нестеров жестом позвал фотографа.

— Снимите до воды и реактивов. Слив тоже.

Вера больше ничего не сказала. Лев вернулся с папкой и молча встал рядом с ней.

— Получается? — спросил он.

— Что?

— Один раз сообщить и не войти.

— Удивительно легко, когда человек слушает.

— Запомню упрёк.

В списке рабочих было четверо. Все расписались об уходе до семнадцати часов. Возле одной фамилии время исправили с «18:10» на «16:10»; поверх единицы прошлись другой ручкой. Савельев объяснил это ошибкой прораба.

— Плинтус они снимали? — спросил Нестеров.

— Да.

— Где инструмент?

— Увезли.

— Мусор?

— Убрали.
— Очень аккуратный ремонт.
— Я требую порядка.
— Кроме документов на жильца.
Савельев промолчал.
На столе под шахматной доской обнаружили сложенный пополам листок. Нестеров развернул его пинцетом. На бумаге были записаны четыре фамилии и суммы без обозначения валюты. Рядом с фамилией «Корецкая» стояло «15» и дата следующей недели. Ниже — буква «С» и номер приложения.
Анну позвали снова. Увидев лист, она перестала спорить.
— Это не то, что вы думаете.
— Я пока ничего не думаю, — сказал Нестеров. — Что означает пятнадцать?
— Не знаю.
— Почему ваша фамилия?
— Потому что он записывал людей. Он всех записывал.
— За что вы должны были ему пятнадцать?
— Я не должна.
— Тогда что должно было случиться на следующей неделе?
Анна посмотрела на Савельева. Управляющий стоял у окна, но отражение в стекле выдавало, что он следит за разговором.
— Я хотела забрать одну бумагу, — сказала она.
— Какую?
— Старую справку.
— О чём?
— Это касается моей матери.
— Ваша мать жива?
— Нет.
— Тогда кого вы защищаете?
Анна долго молчала.
— Себя.
Нестеров записал ответ.
— Невский требовал деньги?
— Он говорил, что хранение чужих тайн стоит денег.
— Вы принесли их вчера?
— Нет.
— Договаривались о встрече?
— Нет. Я принесла таблетку.
— И сразу ушли.
— Да.
— Кто сидел напротив него за второй чашкой?
Анна посмотрела на зелёный пакет с упакованной посудой.
— Когда я пришла, второй чашки не было.
— Теперь вы уверены?
— Да.
— Почему раньше говорили, что не помните?
— Потому что боялась, что вы решите про меня. Теперь всё равно решили.
— Я решу после проверки. Страх не возвращает память.
— Иногда возвращает.
Она сказала это почти с вызовом.

Нестеров велел Льву взять у Анны письменное объяснение о справке и договорённостях с Невским. Савельеву — предоставить журналы доступа, список персонала и документы по проживанию. Управляющий спросил, можно ли наконец открыть процедуры.

— Главный корпус открывайте, — ответил Нестеров. — Это крыло остаётся закрытым.

— Люди будут спрашивать.

— Скажите, что идёт проверка.

— Это разрушит репутацию.

— Тело в вашем корпусе уже случилось. Репутация не заменит факты.

Когда все разошлись, Вера осталась у двери номера. Солнечного света не прибавилось; море за окном было одного цвета с небом. На столе остались светлые круги от чашек. Они почти совпадали по размеру, хотя сами чашки были разными.

— Что видишь? — спросил Лев.

— Что кто-то вымыл ложку, но не вытер. Возможно, хотел убрать след лекарства или вкуса. Возможно, просто пил чай и не любит грязную посуду.

— Невский любил чистоту?

— Чемодан сложен аккуратно. Но тарелка с хлебом оставлена. Графин пустой, раковина сухая. Привычка не складывается.

— Может, мыл не он.

— Может.

— Две чашки означают гостя?

— Не обязательно. Человек мог пользоваться двумя. Белая для чая, зелёная для воды.

— Анна говорит, что дала воду в белой.

— Анна сначала угадывала. Надёжно только то, что она принесла таблетку из своей укладки и утверждает, что видела, как Невский её проглотил.

— Веришь?

— Я не знаю.

Лев кивнул, словно это был правильный ответ.

Вера заметила на подоконнике рядом с радиоприёмником маленький прямоугольник без пыли. Там недавно лежал предмет размером с записную книжку. Она указала на него Нестерову. Фотограф снял место.

— Телефон? — предположил Лев.

— Телефон нашли у тела, — сказал Нестеров. — Может быть, футляр очков.

Футляр приложили, не касаясь подоконника: он оказался уже и длиннее. Блокнот со стола тоже не подходил.

— Ещё одна отсутствующая вещь, — сказал Лев.

— Пока свободное место, — поправил Нестеров.

Вера подумала о пузырьке, которого не было на тарелке, и о чистом прямоугольнике. Отсутствие легко превращалось в улику, если очень хотелось найти пропажу. Но Невский собирал чужие тайны и назначал им цену. Человек с такой привычкой редко держал единственный экземпляр рядом с чашкой.

В коридоре зазвонил телефон Савельева. Управляющий ответил вполголоса, но пустое крыло усиливало звук.

— Нет, встречу не отменяйте, — сказал он. — Перенесите в административный корпус. Папку я принесу сам.

Нестеров вышел из номера.

— Какую встречу?

Савельев убрал телефон.

— С подрядчиком. Я говорил.

— Название фирмы?

— «Берег-Строй».

— По какому вопросу?

— Ремонт.

— Тот самый, где четыре человека снимают один плинтус и увозят мусор до чистого пола?

— У нас несколько объектов.

— Папка какая?

— Сметы.

— Принесёте сюда.

— Это коммерческие документы.

— Я пока прошу добровольно.

Савельев посмотрел на часы. Настенные часы в коридоре сняли, и взгляд остановился на чистом пятне.

— Я принесу после завтрака.

— Сейчас.

Лев пошёл с ним.

Вера спустилась на первый этаж. Анна сидела на лавке у теплолечения и писала объяснение. Рядом стояла белая санаторная чашка с кофе. Женщина держала её обеими руками, не касаясь маленькой ручки.

— Анна, — сказала Вера.

Та подняла глаза.

— Что ещё?

— Невский держал белую чашку так же?

Анна посмотрела на свои пальцы.

— Не помню.

— Это хороший ответ.

— Не учите меня отвечать.

— Не буду.

Вера отошла. На стойке вахты лежал журнал, открытый на строке о несчастном случае. Рядом в прозрачном пакете виднелся предварительный лист Павла. Два документа пытались рассказать одну и ту же простую историю: человек упал, его нашли, всё закончилось.

Наверху упаковывали две чашки, которые этой истории не противоречили. Они всего лишь делали её тесной.

Через стеклянную дверь было видно, как из главного корпуса выходит повариха с пакетом мусора. Она остановилась у контейнера, поправила платок и посмотрела на полицейскую машину. Потом заметила Веру и помахала.

Вера узнала её не сразу. Галина Петровна работала в «Прибое» ещё при её отце.

— Верочка! — крикнула она через двор. — Ты когда приехала?

Сержант не позволил ей подойти к закрытому корпусу. Галина Петровна обиделась и крикнула громче:

— Скажи Анне, зелёную чашку пусть вернёт в буфет! У нас их всего шесть, на директора берегли!

Анна замерла над объяснением.

Нестеров медленно спустился по лестнице.

— Значит, не чашка Невского, — сказал он.

Анна поставила белую чашку на лавку.

— Я не брала её.

— Повариха думает иначе.

— Она всем приписывает пропажи.

— Тогда выясним, кто взял. И когда.

За дверью Галина Петровна продолжала что-то объяснять сержанту, размахивая пакетом. Вера смотрела на Анну. Та больше не казалась испуганной. Теперь она была зла — не на полицейских и не на Невского, а на маленькую зелёную чашку, которая отказалась оставаться чужой.

Глава 5. Дом, который ждал

К полудню дождь стал мельче, но не закончился. Он висел над Бережным водяной пылью, оседал на воротах, на голых ветках айвы, на жестяном почтовом ящике с выцветшей цифрой восемь. Вера открыла калитку и услышала, как за домом хлопнула дверь мастерской.

Кира приехала раньше неё.

Во дворе стоял белый фургон прачечной. Задние дверцы были распахнуты, внутри лежали пустые корзины для белья и два рулона прозрачных мешков. На крыльце дома темнели мокрые следы маленьких резиновых сапог. Кира всегда покупала обувь на размер меньше, чем следовало, и потом жаловалась, что в Бережном никто не умеет делать нормальную колодку.

Вера задержалась у почтового ящика. В щели торчали счёт за электричество, реклама пластиковых окон и сложенное вдвое извещение. Она достала всё разом.

— Там ничего важного, — сказала Кира из-за дома. — Я проверяла в понедельник.

Она стояла под навесом мастерской, держа в одной руке связку ключей, в другой — молоток. На ней был синий рабочий халат прачечной поверх свитера. Волосы собраны на затылке кое-как, на щеке белела полоска пыли.

— Ты взломала дверь? — спросила Вера.

— Пока только сняла доску.

После похорон они заколотили одно из окон мастерской. Стекло треснуло ещё весной, отец прикрыл его картоном и сказал, что заменит, когда потеплеет. Потеплело, потом снова похолодало, а картон так и остался. Теперь Кира отодрала верхнюю планку. Ржавая шляпка гвоздя торчала из дерева.

— Я просила меня дождаться.

— Я дождалась. Три недели.

— Я приехала четыре дня назад.

— А папа умер три недели назад.

Кира положила молоток на подоконник. Сделала это без стука, осторожно, и от этой осторожности Вере стало тяжелее, чем от упрёка.

— У меня была передача дел, — сказала она. — Я не могла бросить работу в один день.

— Могла. Просто не бросила.

— Ты хочешь сейчас поссориться или открыть мастерскую?

— Открыть мастерскую. Ссориться можно внутри, там суше.

Замок на двери был старый, навесной, с серой дужкой. Среди ключей отца нашлись три похожих. Первый не вошёл, второй провернулся наполовину, третий застрял. Кира молча протянула Вере баночку машинного масла. Отец держал её на полке возле двери столько лет, сколько Вера себя помнила. На жестяной крышке сохранился след его большого пальца, чёрный и блестящий.

После масла второй ключ повернулся.

Дверь подалась на ладонь и остановилась. Изнутри что-то упиралось в порог.

— Не дёргай, — сказала Кира. — Там рубанок мог упасть.

Они нажали вместе. За дверью протяжно заскребло. Щель стала шире, и Вера увидела ножку табурета. Отец подставлял его на ночь, хотя запирал мастерскую. В детстве это казалось ей тайной мерой против настоящих воров. Потом она поняла: табурет просто мешал двери распахиваться на ветру, когда замок забывали закрыть.

В мастерской пахло древесной стружкой, железом и старым табаком. Отец бросил курить девять лет назад, но запах остался в стенах и в сером пальто, висевшем на гвозде. Под потолком тянулась паутина. На верстаке лежала незаконченная оконная рама, прижатая струбцинами. В пазу застыла тонкая завитушка стружки, словно хозяин вышел на минуту помыть руки.

Вера включила свет. Лампа мигнула дважды и загорелась.

— Электричество я не отключала, — сказала Кира. — Здесь обогреватель. Если отсыреет инструмент, половину можно выбросить.

— Я оплачу.

— Я не про деньги.

Кира сняла с крючка два хлопчатобумажных фартука. Один протянула Вере.

— Что делаем?

— Сначала бумаги. Потом инструмент. Хорошее продадим или отдадим училищу. Личное оставим. Мусор выбросим.

— Ты уже всё решила.

— Кто-то должен был.

В углу стоял высокий шкаф, который отец сделал из корабельных досок. Дверца не закрывалась из-за разбухшего края. В верхней части хранились коробки с крепежом, в нижней — папки, старые квитанции и тетради в клетку. Кира вытащила на середину пола два пластиковых ящика.

— В этот оставить. В этот выбросить. Если сомневаешься, клади на верстак.

— У тебя в прачечной так же?

— В прачечной люди подписывают мешки. Поэтому я знаю, чьи вещи вернутся, а чьи будут лежать без имени до весны.

Вера присела перед шкафом. Первая папка называлась «Дом». В ней лежали чеки на шифер, схема водопровода и гарантийный талон на насос, который сломался пять лет назад. Вторая — «Кира». Свидетельство об окончании курсов, договор аренды первого помещения прачечной, вырезка из районной газеты с фотографией Киры возле новой стиральной машины.

Кира увидела название и отвела взгляд.

— Он хранил всё подряд.

— Не всё.

— Что ты имеешь в виду?

Вера не ответила. Третья папка была подписана её именем. Внутри нашлись копия диплома, старое направление в ординатуру, открытка из областного центра и билет на поезд двенадцатилетней давности. Отец сохранил даже его: Бережный — Ладожин, вагон семь, место двадцать девять.

Кира взяла билет двумя пальцами.

— Тот самый?

— Наверное.

— Ты уехала ночным.

— Утренним.

— Для меня было ночью. Я тебя провожала в четыре сорок.

Вера помнила пустой перрон, жёлтые фонари и Киру в короткой куртке, из которой она выросла ещё в школе. Не помнила, чтобы сестра плакала. Наверное, потому что не смотрела на неё после объявления посадки.

— Папа не пришёл, — сказала Кира.

— Мы поссорились.

— Вы не поссорились. Ты сказала, что больше не хочешь его видеть. Он стоял у окна до рассвета.

— Откуда ты знаешь?

— Я была в доме, Вера. Это ты уехала.

Кира положила билет на верстак, в стопку сомнительного. Вера хотела вернуть его в папку, но не стала.

Они разбирали молча. Квитанции уходили в мешок, фотографии и письма — в ящик. Отец записывал расходы на оборотах календарей: доска, петли, краска, Кира — двести, Вера — посылка. Вера нашла пять почтовых чеков на своё имя. Даты разделяли годы. Она помнила только две посылки: варенье из инжира и тёплые носки, слишком толстые для городской обуви.

Телефон завибрировал в кармане фартука. Звонил Лев.

Вера вышла под навес.

— Я не на месте осмотра, — сказала она вместо приветствия.

— Уже хорошо. Нестеров попросил уточнить, когда ты сможешь официально выйти на замещение.

— В понедельник, как было оформлено.

— Зуев уедет сегодня вечером. До понедельника район прикроет областной дежурный.

— Значит, правильно.

Лев помолчал.

— Ты расстроена, что тебя не пустили продолжать?

— Я расстроена, что ты спрашиваешь об этом как участковый.

— Как участковый я должен спросить другое. Савельев утверждает, что зелёную чашку мог принести любой гость из буфета. Повариха говорит, что набор стоял в запертом шкафу и ключ был у неё и у управляющего.

— Это вы мне сообщаете или проверяете, не побегу ли я искать шкаф?

— Сообщаю, потому что ты свидетель и Нестеров разрешил держать тебя в курсе тех обстоятельств, которые касаются твоих наблюдений. И проверяю.

— Не побегу.

— Где ты?

— В мастерской отца. С Кирой.

— Тогда не буду мешать.

Вера посмотрела через открытую дверь. Кира стояла спиной и снимала папки с нижней полки.

— Лев, Невский раньше работал в «Прибое» снабженцем. Ты знаешь, где он жил после увольнения?

— Пока устанавливаем.

— Это обычный вопрос о человеке, не осмотр места.

— Обычные вопросы тоже дают показания. Если вспомнишь что-то своё — позвони. Не расспрашивай людей от нашего имени.

— Я поняла с первого раза.

— Ты поняла. Мне важно, чтобы ты согласилась.

— Согласилась.

Он отключился. Вера ещё секунду держала телефон у уха, слушая тишину.

— Участковый? — спросила Кира.

— Да.

— Тот, с которым ты в школе разбила окно в кабинете химии?

— Он разбил. Я стояла рядом.

— Конечно.

— Мы нашли чашку из директорского набора в номере погибшего.

— Я не спрашивала о деле.

— Я знаю.

— Ты всё равно ответила о деле.

Кира опустилась на корточки перед нижним ящиком. Там лежали перевязанные шпагатом письма. На верхнем конверте рукой матери было написано: «Мише в рейс». Мать умерла, когда Кире было девятнадцать, Вере двадцать пять. После неё отец перестал выходить в море

и устроился плотником в санаторий. Говорил, что насытился дорогой. Вера тогда считала это слабостью. Теперь ей впервые пришло в голову, что он просто не хотел оставлять Киру одну.

— Ты сердишься, что я приехала поздно, — сказала Вера.

— Я не сержусь.

— Ты с утра перечисляешь, где меня не было.

— Это не гнев. Это учёт.

— Людей нельзя учитывать как мешки с бельём.

— А исчезать можно?

Вера сняла фартук и повесила на спинку стула.

— Я не исчезла. У тебя был мой номер.

Кира рассмеялась коротко и без веселья.

— Да. И у папы был. Он звонил тебе по воскресеньям в семь. Если ты не брала, говорил: «Занята». Если брала, рассказывал про погоду, чтобы не спросить, когда ты приедешь. После каждого звонка он ставил телефон на зарядку, хотя там было восемьдесят процентов. Будто следующий разговор мог случиться раньше.

— Я приезжала.

— На два дня. В гостиницу.

— В доме не было места для разговора.

— Разговору не нужна отдельная комната.

— Иногда нужна.

— Тебе всегда нужна была дверь, которую можно закрыть.

Вера почувствовала знакомое желание уйти. Оно начиналось не в ногах, а где-то под рёбрами: сначала становилось трудно дышать, потом любой выход казался разумным решением. В областной больнице она научилась пользоваться этим. Если разговор заходил дальше фактов, можно было сослаться на вскрытие, заседание, срочный звонок. Здесь ссылаться было не на что.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась? — спросила она.

— Нет.

— Тогда чего?

— Чтобы ты не делала вид, будто у тебя не было выбора.

Кира достала ещё одну папку. На обложке стояла дата, написанная отцовской рукой: «Ноябрь». Год был тот самый.

Внутри лежали больничные выписки, газетная заметка о гибели семнадцатилетнего Дениса Круглова и копия заключения, которого Вера не видела двенадцать лет. Она узнала номер дела раньше, чем прочитала фамилию.

В мастерской стало слышно, как вода капает с края навеса в жестяное ведро.

— Откуда это у него? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Ты знала, что папа хранил документы?

— Я знала, что он после твоего отъезда ходил к Павлу.

— Когда?

— Часто. Первые месяцы — раз в неделю.

— Почему ты мне не сказала?

Кира выпрямилась.

— Как? Позвонить в больницу и попросить судебного медика к телефону? Сказать, что папа с твоим наставником снова обсуждают мёртвого мальчика, из-за которого ты запретила произносить их имена?

— Можно было написать.

— Можно было прочитать мои письма.

Вера посмотрела на неё.

— Я читала.

— Первые два. На третье ответила открыткой с видом площади. Четвёртое вернулось: адресат выбыл.

Этого Вера не помнила. Она трижды меняла съёмные комнаты в первый год, потом получила общежитие при больнице. Коробка с письмами долго стояла под кроватью, а после переезда исчезла. Вера считала, что оставила её у хозяйки.

Кира протянула ей сложенный лист. Бумага пожелтела по краям. На сгибе проступило коричневое пятно от столярного клея. Адресата на письме не было, только дата и подпись Павла.

Вера развернула лист.

«Михаил Андреевич, я ещё раз посмотрел материалы по Круглову. Вера права в одном: время после первичного осмотра указано увереннее, чем позволяют признаки. Я не должен был просить её убрать замечание из рабочего экземпляра до обсуждения с заведующим. Но исправление сейчас поднимет вопрос не только обо мне. Дежурная бригада подписала карту, отделение уже ответило семье, районная комиссия приняла вывод. Прошу вас убедить Веру не подавать отдельное возражение до общей встречи. Я дам ей доступ ко всем материалам и внесу уточнение сам, если это можно сделать без разрушения службы».

Ниже, другим нажимом, было приписано:

«Она считает молчание согласием. Объясните ей, что иногда это отсрочка».

Подпись была несомненно Павла: короткая петля в первой букве фамилии и длинная черта под датой.

Вера прочитала письмо ещё раз. Потом третий.

— Он дал это отцу, — сказала она.

— Или отправил.

— Конверта нет.

— В соседней папке могут быть конверты.

— Папа ничего мне не сказал.

— Сказал.

— Нет.

— Вечером перед твоим отъездом он просил тебя подождать до понедельника. Ты ответила, что не позволишь им купить ещё три дня.

Вера помнила кухню. На столе стояла сковорода с остывшей рыбой. Отец сидел возле окна и тёр большим пальцем край клеёнки. Он действительно просил подождать. Не объяснял почему. Она решила, что Павел уговорил его помочь.

— Если письмо уже было у него, он мог показать.

— Ты дала ему возможность?

— Он мог положить передо мной.

— А ты могла не уезжать до рассвета.

— Кира, в заключении было указано время, которого Павел не мог доказать. Из-за него версия семьи выглядела невозможной. Я написала замечание, а он попросил убрать его из рабочего экземпляра. Это не семейная ссора.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто я уехала из каприза?

— Потому что ты не подала возражение.

Слова прозвучали тихо. Вера опустила письмо.

— Откуда ты знаешь?

— Папа ждал. Он говорил, что ты отправишь бумагу в область и тогда придётся отвечать по правилам. Потом пришёл ответ на его запрос: отдельного возражения от тебя нет. Ты уже работала в Ладожине.

— Кто показал ему ответ?

— Павел.

— И они обсуждали меня за спиной.

— Они пытались понять, что ты сделала.

— Я отказалась подписывать итоговое заключение.

— В деле была твоя подпись?

— Нет.

— Значит, для тебя всё закончилось.

— Я потеряла работу.

— Ты нашла другую через неделю.

— Ты не знаешь, чего мне это стоило.

— Знаю. Ты рассказывала о ночных сменах, чужом городе, комнатах. Ты не знаешь, чего это стоило другим. Семья мальчика получила бумагу, которой не верила. Павел остался с тем же заключением. Папа остался с мыслью, что помог тебе уехать от ошибки, а не исправить её. А я осталась с папой, который каждый ноябрь открывал эту папку.

Вера положила письмо на верстак. Пальцы дрожали, и она прижала их к холодному дереву.

— Я собиралась подать возражение.

— Когда?

— После того как устроюсь. Мне нужен был доступ к копиям и консультация. Я не хотела написать эмоциональную жалобу, которую вернут по форме.

— И?

— Потом дело передали в архив. Павел прислал мне сообщение, что семья отказалась от дальнейшей проверки. Я решила, что поздно.

— Ты решила за них?

Вера не ответила.

За стеной мастерской прошуршали шины. Машина проехала по мокрой улице и остановилась где-то у магазина. Обычный дневной звук вернул комнате размеры. Верстак, шкаф, лампа, две женщины в пыльных фартуках. Письмо не стало новее оттого, что его нашли.

— В заключении мог быть правильный общий вывод, — сказала Вера. — Ошибка касалась времени. Я не знала, изменило бы возражение причину смерти.

— Сейчас в санатории тоже дело только во времени?

Вера посмотрела на сестру.

— Не сравнивай.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь материалов.

— Я знаю тебя. Ты приехала ночью и с тех пор говоришь о чужой подписи до осмотра так, будто двенадцать лет ждала именно эту бумагу.

— Чужая ошибка не исправляет мою.

— Вот теперь ты назвала её своей.

Кира села на табурет. Злость из её лица ушла, оставив усталость.

— Я не хочу сделать тебе больно, Вер.

— Получается убедительно.

— Я хочу закончить то, что папа не успел. Дом, мастерскую, эту папку. Я не могу ещё двенадцать лет хранить всё так, будто вы оба завтра договорите.

Вера снова взяла письмо. Павел признавал, что время указано увереннее, чем позволяли признаки. Не ошибку в одной цифре — способ, которым уверенность появилась в документе. Он просил отсрочку и обещал исправить сам. Вера тогда услышала только просьбу молчать. Возможно, потому что именно это он и просил, как бы ни называл.

— Отец ответил ему?

— Ищи.

Они вернулись к папкам. Теперь Кира не командовала, а Вера не спорила с каждой стопкой. Конверт нашёлся в коробке из-под гвоздей. Письмо Павел передал лично: адреса не было, на обороте отец записал карандашом «П. приходил 18-го». Рядом стояло «В. уехала 20-го».

Ответа не было. Зато под больничными бумагами лежала ученическая тетрадь. Отец записывал в ней имена людей, с которыми говорил: Павел, заведующий больницей Князев, мать Дениса — Лариса Круглова, фельдшер скорой помощи. Возле каждого имени — дата и одно-два слова. Не показания, не содержание разговоров, только след попыток.

Последняя запись была сделана через девять месяцев после отъезда Веры: «П. сказал: поздно менять без нового основания. Вера не отвечает».

— Я отвечала, — сказала Вера.

— Может быть, не на тот вопрос.

В глубине шкафа обнаружилась ещё одна папка, уже без подписи. В ней были документы санатория: пропуска, наряды на ремонт, старые ведомости. Отец работал в «Прибое» почти десять лет, и бумаги не выглядели важными. Кира хотела положить их в мешок, но Вера остановила её.

— Сначала просмотрим даты хранения. Здесь могут быть персональные данные.

— Сжечь?

— Передать санаторию по описи или уничтожить так, чтобы нельзя было восстановить. Я уточню.

Она перелистнула несколько листов. Ведомость на замену рам в жилом корпусе. Заявка на доски. Список ключей мастерской. Между ними — старая фотография коллектива у главного входа. Отец стоял во втором ряду. Рядом с ним был Невский, моложе, с чёрными волосами и папкой под мышкой. На обороте отец написал фамилии.

— Невского ты знала? — спросила Вера.

Кира взглянула на снимок.

— Видела в прачечной года три назад. Он приносил куртку.

— Говорил, где живёт?

— Нет. Ругался из-за пятна, которое нельзя было вывести.

— Часто приходил?

— Один раз ко мне. Раньше виделись в санатории, когда я забирала бельё.

Вера положила фотографию обратно.

— Мне нельзя тебя расспрашивать по делу от имени полиции.

— А от имени сестры?

— Если ты вспомнила что-то сама, нужно сказать Льву или следователю. Не мне.

Кира прищурилась.

— Научилась.

— Пытаюсь.

— Тогда я сама позвоню. Он однажды забирал бельё не из корпуса, а из старого дома персонала за котельной. Это было прошлой зимой. Я решила, что Савельев разрешил ему там ночевать.

— Ты видела, как он входил?

— Видела, как вышел с пакетом белья. Остальное расскажу участковому, чтобы ты не нарушила границы.

В голосе Киры слышалась насмешка, но телефон она достала сразу. Лев ответил, судя по её лицу, после первого гудка. Кира назвалась и сказала, что хочет сообщить, где видела Аркадия Невского прошлой зимой. Потом вышла под навес.

Вера осталась одна у верстака.

Она сложила письмо Павла, но не вернула в папку. Сфотографировать его было легко. Ещё легче — спрятать в сумку и решить, что семейная бумага не относится к нынешнему делу. Павел снова оказался рядом с документом, в котором время звучало увереннее фактов. Совпадение ничего не доказывало. Но письмо доказывало другое: Вера уже однажды увидела несостоятельную уверенность, возмутилась и ушла, оставив официальную страницу нетронутой.

Кира вернулась.

— Лев приедет через полчаса. Сказал ничего не искать специально.

— Правильно.

— Что с письмом?

— Оно твоё не меньше, чем моё. И папино.

— Папе уже всё равно, где оно лежит.

— Нам не всё равно.

Вера достала прозрачный файл из ящика с канцелярией, вложила письмо и тетрадь отца. На листе бумаги написала: «Найдено в мастерской Михаила Ланского, нижний шкаф, папка без названия», поставила дату и время. Подписалась.

Кира наблюдала за ней, скрестив руки.

— Это для полиции?

— Пока для нас. Если письмо понадобится в связи с нынешней проверкой, будет ясно, откуда оно взялось. Если не понадобится, мы всё равно не будем через год спорить, кто и где его нашёл.

— Так ты извиняешься?

— Так я перестаю надеяться на память.

Кира взяла ручку и поставила рядом свою подпись.

— Для начала сойдёт.

Они открыли окно, сняли остаток доски и вынесли к фургону первый мешок мусора. Дождь почти прекратился. На соседской крыше появилась чайка, стряхнула воду с крыльев и закричала в сторону моря.

Когда подъехал Лев, в мастерской уже можно было пройти от двери к шкафу, не переступая через коробки. Он выслушал Киру под навесом, записал её слова о старом доме персонала и уточнил, кто ещё мог видеть Невского. Потом посмотрел на прозрачный файл на верстаке.

— Это относится к сообщению?

— Нет, — сказала Вера. — К старому делу. Но Павел там тоже есть.

Лев не потянулся к письму.

— Ты хочешь приложить его к нынешней проверке?

— Я хочу сначала понять, обязана ли сообщить о конфликте и прежнем эпизоде Нестерову до выхода на замещение.

— Это разумно.

— Не хвали. Просто дай его номер.

— У тебя уже есть.

— Тогда останься свидетелем звонка.

Кира прислонилась к дверному косяку. Вера набрала Нестерова. Он ответил сухо, представился, хотя номер видел.

Вера назвала себя и сказала:

— Я нашла письмо двенадцатилетней давности от Павла Ратманова моему отцу. Оно касается другого заключения и спорного определения времени смерти. Я не утверждаю, что это

связано с Невским. Но до начала замещения считаю нужным сообщить о прежнем конфликте полностью.

Нестеров задал три вопроса: где найдено письмо, кто присутствовал, забирала ли Вера его из дома. Получив ответы, велел не передавать оригинал Павлу и не обсуждать с ним содержание до отдельного разговора.

— И ещё, — сказал он. — Туманов передал сообщение вашей сестры. Дом персонала официально пустует четыре года. Завтра проверим, кто им пользовался. В санатории утверждают, что Невский жил только в закрытом крыле последние две недели.

— Значит, до этого он мог жить рядом.

— Значит, мы проверим. Не вы.

— Поняла.

Она закончила разговор и положила телефон рядом с письмом.

Кира смотрела на неё уже без насмешки.

— Трудно было?

— Да.

— А что именно?

Вера оглянулась на отцовскую мастерскую. На оконной раме остался незавершённый паз. На стене висел его серый плащ. В папке лежал билет, по которому она когда-то уехала, уверенная, что расстояние само превратит отказ в поступок.

— Назвать молчание тем, что я сделала, — сказала она.

Кира кивнула и подняла с пола следующую коробку.

— Тогда не стой. Дом сам себя не разберёт.

Глава 6. Последний постоялец

Дом персонала стоял за котельной, где санаторный парк уже переставал притворяться парком. Стриженые кусты кончались у ржавой сетки, дальше начинались мокрые заросли бузины, штабеля старых труб и узкая дорожка, по которой давно не проходила уборочная машина. К полудню дождь ослаб, но ветер тянул с моря мелкую водяную пыль. Она ложилась на куртки, на планшет Нестерова, на красную ленту, которой Лев перегородил тропу.

Вера остановилась перед лентой. Её пригласили не искать следы, а объяснить, могла ли обстановка в доме повлиять на состояние человека, которого нашли у лестницы. Разница звучала тонко, пока не приходилось держать руки в карманах и ждать, когда фотограф закончит с дверью.

Кира стояла рядом с Львом и показывала, откуда прошлой зимой видела Невского.

— Я приехала за бельём около семи утра, — сказала она. — Фургон поставила здесь. Он вышел не из котельной, а из этого дома. Нёс два серых пакета. Один разорвался снизу, торчала простыня с голубой полосой.

— Вы уверены, что это был он? — спросил Нестеров.

— Он потом пришёл ко мне ругаться из-за пятна на куртке. Лицо я запомнила.

— Дата?

— Точную не назову. После первого снега, до Нового года. У нас тогда сломалась большая сушильная машина. Я найду накладные по ремонту, там будет неделя.

Савельев, стоявший под выступом котельной, тихо вздохнул. Он пришёл в тонком городском пальто, словно рассчитывал провести на улице пять минут. На плечах уже темнели мокрые пятна.

— Это не тайна, — сказал он. — Аркадий иногда ночевал здесь. Я собирался сообщить, когда меня нормально спросят, а не поставят перед опечатанной дверью.

Нестеров повернулся к нему.

— Вчера вы сообщили, что Невский жил в закрытом крыле последние две недели. До этого, по вашим словам, он приезжал по делам.

— Так и было. Ночёвки были редкими.

— С какой даты?

— Не помню. Дом не жилой в обычном смысле. Здесь дежурили ремонтники, когда рвало теплотрассу.

— А Невский ремонтировал теплотрассу?

— Санаторий был ему должен.

Ответ прозвучал слишком готово. Савельев, вероятно, повторял его про себя с того момента, как Кира позвонила Льву.

Фотограф отступил от двери. Замок был новый, блестящий, с тремя узкими царапинами вокруг скважины. Лев попросил Савельева передать ключ.

— У меня нет, — сказал тот. — Комплект у завхоза.

— Завхоз говорит, что комплект у вас.

— Значит, в сейфе администрации. Я не обязан носить ключи от каждой развалины.

— Кто менял замок?

— Не знаю.

Нестеров записал ответ, не поднимая головы. Савельев посмотрел на Веру, словно она могла подтвердить, что люди действительно не помнят замки. Она смотрела на дверь.

Завхоз принёс связку через десять минут. К нужному замку подошёл ключ с белой пластиковой биркой. На ней выцветшими чернилами было написано «ДП-2», а поверх более свежим маркером — «архив». Лев открыл дверь и первым вошёл в тесный тамбур.

Пахло мокрой штукатуркой, холодной золой и чем-то домашним — жареным луком, который давно выветрился, но остался в занавесках. Электричество работало: под потолком загорелась слабая лампа. Слева была кухня, прямо коридор с четырьмя дверями. На стене висел календарь позапрошлого года, раскрытый на ноябре.

— Ничего не трогаем, — сказал Нестеров. — Сначала общий осмотр.

Вера осталась у порога. Из кухни были видны кружка на подоконнике, пустая банка из-под кофе и маленькая плитка. На сушилке стояла тарелка. Не склад, не аварийная ночёвка ремонтников. Кто-то устроил здесь жильё, пользуясь вещами ровно настолько, чтобы их можно было быстро собрать.

В дальней комнате обнаружилась застеленная кровать. Матрас продавился с одной стороны. На спинке стула висела мужская рубашка, в шкафу лежали три одноразовые бритвы, пачка носков и гостиничный набор с эмблемой «Прибоя». У стены стоял электрический обогреватель, подключённый через оранжевый удлинитель.

Лев нашёл на столе квитанцию из магазина. Бумага выцвела, но дата читалась: восемь месяцев назад. Куплены хлеб, батарейки, растворимый кофе и корм для кошек.

— У него была кошка? — спросил Лев.

— Здесь ходит рыжая, — ответил завхоз из коридора. — Полсанатория её кормит.

— Невский тоже?

— Видел пару раз.

— Когда?

Завхоз потёр ладонью небритую щёку.

— Летом. Может, весной.

Савельев переступил с ноги на ногу.

— Я сказал: он иногда останавливался. В этом нет преступления.

— Мы пока считаем ночёвки, — сказал Нестеров. — До преступления дойдём отдельно.

На кухонном шкафчике были приклеены полоски малярной ленты. На одной Невский записал номер диспетчерской электросетей, на другой — дни вывоза мусора. Третья содержала четыре цифры и букву «С». Фотограф снял каждую запись.

Вера смотрела на обогреватель. На решётке собралась пыль, но вокруг ножек пол был чистым. Его двигали часто. Возле кровати стояли домашние тапки, стёртые под пятками. Если Невский появлялся здесь изредка, он удивительно тщательно готовился к случайностям.

Нестеров подошёл к ней.

— Что вам нужно увидеть для ответа на мой вопрос?

— Температуру в комнатах, лекарства, продукты и всё, что указывает на длительное пребывание. Но я не буду открывать шкафы.

— Откроем при вас.

В ванной нашли упаковку средства от давления, начатую зимой, и такую же свежую, выданную три недели назад. Фамилия на аптечной наклейке совпадала. Вера попросила отдельно зафиксировать даты, количество оставшихся таблеток и условия хранения. Она не считала дозы вслух и не делала выводов о приёме: упаковки могли лежать здесь, пока Невский жил в другом месте.

В кухне за дверцей обнаружились крупа, соль, дешёвый чай, две пачки макарон. На банках Невский писал месяц открытия. Самая ранняя пометка была сделана одиннадцать месяцев назад.

— Это уже не «иногда», — сказала Кира.

— Вы свидетель, — напомнил Нестеров. — Оценку оставьте нам.

Кира прикусила губу, но кивнула.

Савельев воспользовался паузой.

— Хорошо. Он жил здесь дольше. Санаторий не нёс расходов, кроме света. Аркадий когда-то поставил нам оборудование и не получил всю сумму. Денег не было. Предыдущий директор разрешил пользоваться комнатой до расчёта.

— Какое оборудование? — спросил Лев.

— Насосы для бассейна. Или фильтры. Это было до меня.

— Вы управляете санаторием шесть лет.

— Долг старше.

— Документы?

— В архиве.

Лев посмотрел на бирку ключа, где поверх «ДП-2» было написано «архив».

— В каком именно?

Савельев не ответил сразу.

— В административном. Здесь архивом называли комнату, потому что собирались перенести старые папки. Не перенесли.

— Кто оплачивал электричество?

— Санаторий. Отдельного счётчика нет.

— Кто выдавал бельё?

— Он брал списанное.

— Кто стирал?

Савельев посмотрел на Киру.

— Видимо, прачечная.

— Моя прачечная работает по накладным, — сказала Кира. — От Невского была одна частная куртка. Постельное он ко мне не сдавал.

— Значит, стирал сам или пользовался санаторной машиной. Я не слежу за каждой простынёй.

Вера услышала прежнюю ноту: управляющий говорил о мелочи, пока вопросы не складывались в порядок. Отдельный дом, свет, бельё, лекарства, запас еды, новый замок. Не одолженная койка, а жизнь, которую кто-то годами не вносил в книги.

В кладовке Лев нашёл два серых мешка для белья с голубой полосой. На одном сохранилась пришитая бирка корпуса номер три, закрытого три года назад. Внутри лежали чистые наволочки и полотенца. Кира узнала мешки, но не стала утверждать, что видела именно их зимой.

— Такие были во всех корпусах, — объяснила она. — Голубую тесьму ставили на бельё для взрослых отделений. Детское было с зелёной.

— Кто имел доступ к запасам? — спросил Нестеров.

— Раньше кладовщица. После сокращения — завхоз и управляющий.

Завхоз кашлянул.

— Невский сам был снабженцем. Он знал, где что лежит.

— Ключи у него были?

— Старые могли остаться. Замки не везде меняли.

Нестеров велел записать перечень помещений, которые Невский мог открывать прежними ключами. Савельев возразил, что это займёт неделю и остановит подготовку к сезону.

— Сезон закончился, — сказал Лев.

— Следующий начинается не сам собой.

В спальне фотограф поднял с пола листок, застрявший между стеной и тумбочкой. Это была отрывная часть внутренней ведомости. Верх отсутствовал, остались строки с месяцами и цифрами. Внизу стояла подпись, похожая на фамилию Невского, и круглый след от мокрой чашки.

— Что это? — спросил Нестеров у Савельева.

Тот надел очки, не приближаясь к листку.

— Не вижу.

— Подойдите. Руками не трогайте.

Савельев прочитал строки.

— Похоже на расчёт коммунальных расходов.

— Вы сказали, он ничего не платил.

— Я сказал, санаторий не нёс расходов, кроме света. Возможно, он возмещал часть наличными.

— Кому?

— Предыдущему директору. Завхозу. Бухгалтеру.

— Предыдущий директор умер четыре года назад.

— Тогда бухгалтеру.

— Здесь стоят месяцы текущего года.

Савельев снял очки и вытер стёкла краем рубашки.

— Значит, мне. Я не помню каждую мелкую сумму.

Лев перестал писать и посмотрел на него.

— Вы трижды изменили объяснение за минуту.

— Потому что вы спрашиваете о хозяйственной мелочи так, будто я обязан хранить её в голове. Невский мог сам составить этот лист. Он любил считать чужие деньги.

— Оригиналы ведомостей где?

— В бухгалтерии.

— Уже опечатанной после вчерашнего осмотра?

— Вы опечатали кабинет, не всю бухгалтерию.

Нестеров попросил Льва связаться с бухгалтером и обеспечить выдачу кассовых книг, ведомостей по электричеству и списанию белья. Потом повернулся к Вере.

— Ваш предварительный ответ?

— Дом пригоден для постоянной ночёвки, если человек терпит холод и сырость. Лекарства и продукты показывают, что Невский пользовался им в разные месяцы. Точнее скажут чеки, сроки покупок и другие записи. С медицинской стороны я пока не вижу объяснения, зачем скрывать проживание.

— А с немедицинской?

— Это не мой ответ.

Лев едва заметно кивнул. Савельев усмехнулся.

— Очень удобно. Все задают вопросы, никто не обязан отвечать.

Вера посмотрела на него.

— Вы обязаны отвечать не мне.

В крайней комнате мебели почти не было. Под окном лежали свёрнутые рекламные плакаты старого сезона, на стене темнел прямоугольник от снятой полки. Фотограф заметил у плинтуса прозрачный уголок. Лев подсветил фонарём и извлёк длинной лопаткой пластиковую карточку.

Это был гостевой пропуск «Прибоя». Фамилия стёрлась от влаги, зато номер сохранился. Срок действия закончился два года назад. На обороте стоял штамп администрации и подпись Савельева.

— Такие пропуска печатали пачками, — сразу сказал управляющий. — Подпись могла быть факсимиле.

— У вас было факсимиле? — спросил Нестеров.

— Кажется.

— Кто им пользовался?

— Секретарь.

— Как её зовут?

— Тогда работала Лебедева. Или Жукова. Кадры поднимут.

Лев сверил номер с фотографией списка, который получил в администрации утром. Пропуск значился выданным не Невскому, а мастеру подрядной организации на три дня. Фамилия мастера была другая.

— Номер один, человек другой, — сказал он.

— Ошибка при печати.

— Или чужой пропуск.

— Невский был снабженцем. У него оставались коробки старых карточек.

Вера заметила, как Савельев согнул большой палец и провёл ногтем по боковому шву брюк. В первый вечер он так же стоял возле лестницы, когда говорил, что часы всегда висели на новом месте. Жест ничего не доказывал. Но теперь она знала, где его искать, когда звучал неудобный вопрос.

Осмотр продолжался больше трёх часов. Из дома вынесли пакеты с бумагами, упаковками и полотенцами. Каждую вещь называли вслух, прежде чем запечатать. Вера дала краткое письменное объяснение и отдельно указала, что не осматривала содержимое до действий следственной группы.

Когда они вернулись в административный корпус, бухгалтер Марина Белова уже ждала в приёмной. Невысокая женщина с короткой стрижкой держала две толстые папки так, будто боялась, что их отнимут.

— Я ничего не уничтожала, — сказала она вместо приветствия. — Игорь Леонидович велел поднять старые долги, я подняла.

Савельев снял мокрое пальто.

— Я велел сотрудничать.

— Вы велели найти договор Невского за две тысячи четырнадцатый и ведомость взаимозачёта. Их нет.

— Значит, архив потерял.

— Архив не теряет документы выборочно.

Нестеров попросил всех пройти в бывшую комнату совещаний. Вера осталась снаружи: бухгалтерские показания не требовали её присутствия. Она села на подоконник в конце коридора. За стеклом качались голые ветви, а между ними серело море.

Кира принесла два бумажных стакана из автомата.

— Один кофе, второй то, что автомат считает чаем. Выбирай.

— Чай.

— Значит, мне повезло.

Они сидели молча, пока за дверью перелистывали папки. Через двадцать минут вышел Лев и протянул Вере лист в прозрачном файле.

— Не улика для твоего осмотра. Просто посмотри на даты. Нестеров разрешил.

Это была распечатка движения гостевых пропусков. Номер найденной карточки использовали семь раз после того, как подрядчик якобы сдал её. В графе фамилии стояли прочерки, в примечаниях — «технический». Последняя отметка сделана три недели назад, когда Невского официально заселили в закрытое крыло.

— Кто вносил записи? — спросила Вера.

— Учётная запись управляющего. Савельев говорит, пароль знала секретарь.

— Та, чью фамилию он не помнит?

— Нынешняя. Он уже уточнил.

— А старый долг?

— В книгах нет долга Невскому. Есть долг фирме, где он работал, но его закрыли восемь лет назад поставкой путёвок для сотрудников. Подпись о полном расчёте стоит на акте.

— Подлинность проверите.

— Проверим. Савельев теперь говорит, что был ещё личный долг прежнего директора.

Кира фыркнула в стакан.

— Удобный должник. Спросить нельзя.

Лев посмотрел на неё.

— Это мы тоже запишем, если понадобится.

— Не понадобится. Я умею молчать, когда надо.

Вера повернула распечатку к свету. Семь проходов за два года не доказывали постоянного жилья, но подтверждали, что присутствие Невского не было тайной для системы. Его не забыли вписать. Для него придумали отдельный способ появляться без имени.

— Почему его переселили в закрытое крыло? — спросила она.

— Савельев говорит, в доме стало холодно.

— Обогреватель работал.

— И выбивал пробки. По его версии.

— А по журналу электрика?

Лев улыбнулся без веселья.

— Ты всё-таки расследуешь.

Вера вернула лист.

— Я спрашиваю, потому что вчера видела свет в крайнем окне второго этажа. Если переселение связано не с холодом, причина может относиться к тому, зачем Невский оказался в корпусе.

— Это уже записано. Журнал электрика изымают.

Дверь совещательной открылась. Савельев вышел первым. Без пальто он казался меньше, но двигался быстро. Увидев распечатку в руках Льва, остановился.

— Вы показываете внутренние документы посторонним?

— Вера Ланская дала объяснение о наблюдении в день обнаружения тела, — сказал Нестеров из дверей. — Я разрешил ознакомить её с датами в пределах вопроса. Если хотите подать жалобу, я укажу порядок.

— Я хочу, чтобы санаторий не разорвали на части из-за человека, который годами жил за чужой счёт.

— По вашим словам, вы сами разрешали ему жить.

— Из-за старого обязательства.

— Которое меняется каждый раз, когда находится новый документ.

Савельев подошёл к окну. Во дворе сотрудники следственной группы грузили опечатанные пакеты в машину.

— Вы не знали Невского, — сказал он. — Он приходил с одной бумагой, получал уступку, потом находил другую. Прежний директор действительно был ему должен. Потом Аркадий превратил это в право на комнату. Потом потребовал пропуск. Потом захотел поселиться в корпусе, потому что там теплее. Если отказать, он обещал устроить проверку. Я не скрывал преступника. Я терпел человека, который умел делать неприятности.

— Какие бумаги он показывал? — спросил Нестеров.

— Старые акты, жалобы, нарушения. Половина ничего не стоила.

— А вторая половина?

Савельев обернулся.

— Любое хозяйство можно закрыть, если проверять его в ноябре. Трещина, просроченный огнетушитель, не та подпись. Вы сами видите состояние зданий.

— Где бумаги?

— У него.

— В комнате нашли только один лист с фамилией Корецкой и суммой.

— Значит, спрятал.

— Или вы уже забрали.

— Это обвинение?

— Вопрос.

Савельев снова провёл ногтем по шву брюк.

— Нет.

Нестеров дал ему прочитать протокол опроса. В коридоре стало тихо, слышно было, как автомат внутри себя перемешивает пластиковые стаканы. Вера подумала о зелёной чашке из директорского набора в комнате Невского. Савельев признавал долгие переговоры и уступки, но пока не встречу в день смерти. Каждое новое признание оказывалось ровно на один шаг позади найденной вещи.

Бухгалтер вышла с пустыми руками. Папки остались у Нестерова.

— Марина, — окликнул её Савельев, — кто имел доступ к моей учётной записи?

Она не остановилась.

— Вы и тот, кому вы говорили пароль.

— Секретарь знала.

— Секретарь менялась трижды. Пароль не менялся. Он был названием вашего катера и годом рождения сына. Это знала половина администрации, потому что вы диктовали его через открытую дверь.

— Вот видите, — сказал Савельев Нестерову. — Любой мог внести пропуска.

— Да, — ответил тот. — Поэтому мы проверим, с какого компьютера их вносили.

Савельев замолчал.

Вера допила остывший чай и встала. Её работа здесь закончилась. У дверей она задержалась возле стенда с планом санатория. Дом персонала был обозначен маленьким серым прямоугольником без номера. От него к закрытому корпусу шла служебная дорожка мимо котельной и прачечного проезда. К морю она не выводила.

— Лев.

Он подошёл.

— Что?

— В доме на тапках и полу был обычный серый песок с дорожки. На правом ботинке Невского — тёмный влажный. Я не сравниваю образцы, только напоминаю: длительное жильё здесь не объясняет тот песок возле тела.

— Записал ещё ночью.

— Хорошо.

— Тебе трудно не повторять?

— Мне трудно надеяться, что важное уже записал кто-то другой.

Лев посмотрел на неё внимательнее, но о письме Павла не спросил.

— Сегодня записал я, — сказал он.

На улице Кира открыла фургон и бросила Вере сухое полотенце. Они сели, не включая двигатель. Через ветровое стекло был виден дом персонала. На двери теперь висела пломба, а на окне дальней комнаты белел номер пакета.

— Он там жил, — сказала Кира. — Не гостил.

— Да.

— И Савельев знал.

— Знал достаточно, чтобы его пропускать без имени.

— Почему ты говоришь так осторожно, когда всё ясно?

Вера вытерла волосы.

— Потому что ясно пока только это. Невский жил здесь давно. Санаторий позволял ему обходить обычный учёт. Объяснение про долг не совпадает с бухгалтерией. Но из этого не следует, что Савельев его убил.

— А что следует?

— Что у Невского был рычаг. И что Савельев уступал ему, пока мог.

Кира завела двигатель. Дворники размазали по стеклу мелкие капли, потом собрали их в две чистые дуги.

У административного корпуса Нестеров снова разговаривал с Савельевым. Управляющий стоял без пальто под дождём и показывал рукой в сторону закрытого крыла, будто объяснял расположение труб. Его жест был широким, уверенным. Только другая рука оставалась прижатой к бедру, и ноготь большого пальца всё ещё тёр шов.

Вера отвернулась раньше, чем он заметил её взгляд.

Последний постоялец «Прибоя» оказался человеком, которого годами не существовало в гостевых книгах. Теперь его отсутствие занимало больше места, чем присутствие всех остальных.

Глава 7. Время звонка

Журнал диспетчера лежал в кабинете Нестерова между прозрачным пакетом с предварительным листом и распечаткой телефонной компании. Три источника рассказывали об одном звонке, но каждый выбирал для него своё время.

Вера села напротив стола и не стала придвигать бумаги. Нестеров вызвал её не как эксперта, а для уточнения вчерашних объяснений: когда она впервые услышала о смерти Невского, кто назвал ей время и видела ли она телефон Анны. Вопросы были простыми, пока ответы не приходилось ставить рядом.

На стене тиканули дешёвые часы. Они показывали без трёх минут десять утра.

— Начнём без догадок, — сказал Нестеров. — В двадцать три двенадцать Туманов позвонил вам и попросил приехать в «Прибой». Верно?

— Да. В журнале моего телефона стоит двадцать три двенадцать.

— На месте вы были?

— Около двадцати трёх сорока. Точнее можно проверить по камере у въезда, если она работала.

— Работала. Двадцать три тридцать восемь. Кто первым назвал время обнаружения тела?

Вера вспомнила холодный коридор, мокрые плечи Анны и Савельева у лестницы. В ту ночь всё звучало как уже законченная история.

— Анна сказала, что нашла Невского около двадцати двух сорока. Савельев повторил. На часах в коридоре было двадцать два тридцать одна, но часы перевесили и, вероятно, выставили руками. Я не принимала их показание за точное время.

— Павел?

— Он приехал позже. Привёз предварительный лист, где стояло двадцать два тридцать.

Нестеров перевернул лист в пакете. В строке «ориентировочное время смерти» синели цифры, написанные уверенно, без знака вопроса и без промежутка.

— Он говорил, откуда взял это время?

— Сначала сослался на сообщение фельдшера. Потом сказал, что время передал диспетчер. Анна отрицала, что сообщала ему цифры. Я это уже объясняла.

— Объясняли. Теперь у нас есть журнал диспетчерской.

Нестеров подвинул к ней копию, оставив оригинал в пакете. Лев стоял у окна, пил кофе из бумажного стакана и не вмешивался. Рядом с ним сидела диспетчер санатория Людмила Шатова — полная женщина в сиреневой кофте. Она держала сумку на коленях и прижимала молнию двумя руками, будто внутри лежало что-то живое.

Запись занимала две строки. «22:47. Корп. 4, лестница, мужчина лежит. Позвать Корецкую». Ниже: «22:52. Анна ответила, идёт из медпункта».

— Это ваша рука? — спросил Нестеров у Шатовой.

— Моя. Я двадцать лет пишу одинаково.

— Вы записываете время по часам на столе?

— По компьютеру. Часы на стене у нас спешат. Компьютер соединён с общей системой, там время само.

— Кто сообщил о мужчине?

Шатова посмотрела на Савельева, хотя его в кабинете не было.

— Звонок с внутреннего аппарата. Сказали: четвёртый корпус, у лестницы человек. Голос мужской.

— Кто именно?

— Не представился. Я подумала, Игорь Викторович. Но сейчас не поручусь.

— Почему подумали?

— Голос низкий. И кто ещё ходит по закрытому корпусу? Потом он сам пришёл в диспетчерскую.

— Во сколько?

Шатова разжала пальцы и провела ногтем под второй строкой.

— После того как Анна ответила. Может, без пяти одиннадцать. Сказал, чтобы я не поднимала шум, там, вероятно, человек оступился. Потом пошёл обратно.

— Откуда вы звонили Корецкой?

— С рабочего телефона на мобильный. В медпункте она редко сидит вечером, там холодно.

— Но в журнале написано, что она идёт из медпункта.

— Это она сказала. Я и записала.

Нестеров положил рядом распечатку оператора. Исходящий номер диспетчерской оканчивался на сорок один. В двадцать два сорок восемь с него был сделан вызов на номер Анны. Разговор длился девятнадцать секунд. Ещё один вызов, в двадцать два пятьдесят одну, длился шесть секунд.

— Первый раз она ответила? — спросил он.

Шатова покачала головой.

— Там включилась её песня вместо гудков. Я подождала и отключилась. Второй раз она взяла трубку.

— Тогда почему запись «Анна ответила» стоит в двадцать два пятьдесят две?

— Потому что я сначала говорила, потом записала. Я не ставлю секунды. Посмотрела на экран — было пятьдесят две.

— Это понятно. А запись о первом сообщении — двадцать два сорок семь?

— Так было на компьютере.

Нестеров повернулся к Вере.

— Что следует из этих бумаг?

Вера не ответила сразу. Он проверял не её арифметику. Между двадцатью двумя тридцатью в листе Павла и первым вызовом Анне лежало семнадцать минут. Но сам по себе разрыв не говорил, когда умер Невский. Он говорил только, что ссылка на фельдшера не могла объяснить цифры, уже стоявшие в документе.

— Из них следует, что Анну начали вызывать после двадцати двух сорока семи, — сказала она. — Если Павел получил сведения от неё после этого разговора, то она не могла быть источником времени двадцать два тридцать до звонка. Но лист мог быть заполнен позднее задним числом. Дату и последовательность заполнения должна устанавливать экспертиза документа, не я.

Лев опустил стакан. Нестеров кивнул.

— Именно. Сейчас мне нужно не время смерти, а происхождение записи.

Шатова шумно вдохнула.

— Я Павлу Александровичу не звонила. Я вообще не знала, что он приедет. Анна сама ему позвонила, наверное.

— Это мы проверили.

Нестеров нашёл вторую страницу детализации. В двадцать два пятьдесят четыре телефон Анны соединился с номером Павла. Разговор длился одну минуту сорок три секунды. В двадцать три ноль семь Павел позвонил Савельеву. Между этими звонками не было ни одного контакта с диспетчерской.

— Когда Павел приехал в санаторий? — спросила Вера.

— Камера у ворот зафиксировала его машину в двадцать три двадцать девять, — сказал Лев. — Ты приехала через девять минут.

— Предварительный лист был у него уже заполнен?

— По твоим словам — да.

— По моим глазам. Он достал его из папки в коридоре. Я не видела, когда он писал.

Нестеров отметил её поправку.

Дверь открылась, и Павел вошёл без стука. На нём был тот же тёмный свитер, в котором Вера видела его в морге, только ворот растянулся. Он поздоровался со всеми, задержал взгляд на прозрачном пакете и сел рядом с Верой.

— Мне сказали, вопрос срочный.

— Вопрос короткий, — ответил Нестеров. — Откуда вы взяли время двадцать два тридцать?

Павел снял очки и начал протирать их платком.

— Я уже отвечал. Из первичного сообщения.

— Чьего?

— Анны Корецкой. Она позвонила и сказала, что мужчина лежит у лестницы, признаков жизни нет. По её оценке, прошло какое-то время.

— Она назвала двадцать два тридцать?

— Возможно. Дословно не помню.

— Разговор начался в двадцать два пятьдесят четыре. Откуда у вас точность до десяти минут?

Павел надел очки. Стёкла на секунду скрыли глаза белым отражением окна.

— Это предварительная оценка. Не время обнаружения.

— На основании чего оценка сделана по телефону?

— По словам фельдшера о состоянии тела, температуре в корпусе и обстоятельствах. Сергей Андреевич, вы пытаетесь превратить рабочую пометку в заключение. Это не заключение.

— Вы подписали лист.

— Предварительный.

— До осмотра.

— Чтобы на месте не заполнять на колене. Я собирался исправить после осмотра.

Вера почувствовала знакомое раздражение ещё до того, как поняла его источник. Павел говорил так же, как в письме двенадцатилетней давности: цифра была не решением, а удобной пометкой; уверенность должна была появиться потом, но на бумаге уже выглядела готовой.

Нестеров не повысил голос.

— В двадцать два пятьдесят четыре вы разговаривали с Корецкой. В двадцать три ноль семь — с Савельевым. В двадцать три двадцать девять въехали на территорию. Когда написали лист?

— В кабинете перед выездом.

— То есть после звонка Корецкой?

— Разумеется.

— Тогда почему вчера вы сказали, что цифры передал диспетчер?

Павел посмотрел на Шатову.

— Я мог неверно выразиться. В экстренном сообщении цепочка проста: диспетчер вызывает фельдшера, фельдшер звонит мне. Для медицинской части это один первичный вызов.

— Для времени это три разных события, — сказала Вера.

Он повернулся к ней.

— Если мы говорим о минутах, да. Если о первичной ориентировке — нет.

— Семнадцать минут не исчезают оттого, что назвать три звонка одним.

— Они и не исчезают. Просто не определяют время смерти.

— Тогда зачем ты поставил двадцать два тридцать?

Павел устало потёр переносицу.

— Потому что Анна сказала: тело уже остывает, на лестнице сквозняк, Невского видели живым около десяти. Я взял середину как рабочую отметку. На месте собирался уточнить.

Шатова вскинула голову.

— Около десяти его никто при мне не видел.

— Я говорю со слов Анны.

— Анна сказала диспетчеру, что пришла из медпункта, — заметил Нестеров. — Но журнал фельдшерского пункта содержит другую последовательность.

Он достал тонкую тетрадь в синей обложке. На первой странице было написано «Вечерние назначения». Последняя заполненная строка относилась к Невскому: давление, таблетка, подпись Анны. В графе времени стояло «20:10». Следующая запись — «22:55, вызов, корп. 4». Чернила во второй строке выглядели темнее.

— Вы изъяли журнал вчера? — спросил Павел.

— Сегодня утром. Где он находился ночью?

— Не знаю.

Шатова сказала:

— Анна принесла его мне после полуночи. Попросила поставить в сейф, чтобы в медпункт никто не заходил. Утром забрала при Савельеве, когда приехала проверка.

— Значит, до полуночи журнал был у Корецкой, — подвёл итог Нестеров. — Запись о вызове могла появиться после события. Сейчас это нормально: журнал не телефонный автомат. Но она не подтверждает, что Анна находилась в медпункте в двадцать два пятьдесят две.

Павел пожал плечами.

— Её местонахождение не меняет медицинской картины.

— Пока мы не знаем, что меняет. Она была человеком, которого Невский шантажировал.

— И поэтому вы любую неточную минуту превращаете в улику против неё.

— Нет. Поэтому я проверяю минуту.

На несколько секунд в кабинете стало слышно, как в коридоре передвигают стул. Вера посмотрела на журнал. В строке о назначении Невскому не было времени ухода Анны. Если она принесла таблетку в двадцать десять, это не доказывало, что она сразу покинула комнату. Две чашки и вымытая ложка всё ещё оставались рядом с её рассказом.

— Анна говорила тебе, где находилась, когда позвонила диспетчер? — спросила Вера.

Павел ответил после короткой паузы:

— В медпункте.

— Детализация показывает не место, а связь. Что ты слышал на фоне?

— Не помню. Ветер, дверь. Она была взволнована.

— Она сказала, что осмотрела тело?

— Сказала, что пульса нет и зрачки не реагируют.

— Трогала шею?

— Вероятно.

— Вероятно или сказала?

Павел посмотрел на Нестерова.

— Это опрос или экзамен?

— Опрос, — сказал тот. — И вопрос Ланской полезен. Что именно сообщила Корецкая?

— Что человек без признаков жизни, холодный, лежит неудобно у нижних ступеней. Она боялась двигать его. Я велел ничего не трогать и вызвать полицию.

Лев отставил пустой стакан.

— Полицию вызвал Савельев в двадцать три ноль девять. Через две минуты после разговора с вами.

Павел повернулся к нему.

— Значит, моё указание передали.

— Возможно. Но Анна позвонила вам раньше, чем Савельев позвонил полиции. Почему сначала эксперту?

— Потому что она фельдшер. В посёлке так делают годами.

— В посёлке сначала вызывают скорую или дежурного, если не уверены, что человек умер.

— Она была уверена.

— За три минуты у лестницы?

Павел подался вперёд.

— Лев, если ты хочешь обвинить фельдшера в том, что она узнала смерть, формулируй прямо. Не устраивай ловушку из секунд.

— Я хочу знать, кто решил, что дело уже закончено, — сказал Лев. — Потому что к нашему приезду это повторяли трое.

Вера увидела, как платок в руке Павла смялся в тонкую полоску. Он не боялся вопроса о смерти. Его злило слово «решил».

Нестеров разложил документы по порядку.

— Первое сообщение в диспетчерскую — двадцать два сорок семь. Первый вызов Корецкой — сорок восемь. Ответила она в пятьдесят одну. Вам позвонила в пятьдесят четыре. Савельеву вы позвонили в двадцать три ноль семь. В двадцать три ноль девять Савельев вызвал полицию. Вы приехали в двадцать три двадцать девять с листом, где время смерти указано двадцать два тридцать и причина названа падением. Корецкая по телефону могла дать наблюдения, но не могла сообщить результат осмотра, который вы ещё не проводили. Кто назвал падение?

— Она сказала, что тело у лестницы.

— Лестница не является причиной смерти.

— Это была версия.

— На бумаге нет слова «версия».

Павел провёл ладонью по колену.

— Хорошо. Лист заполнен небрежно. Записывайте. Я поспешил. Но не приписывайте бумаге силу, которой у неё нет.

— Сила появилась, когда управляющий показывал её сотрудникам как готовый ответ, — сказала Вера.

— Я не давал ему лист.

— Он знал и время, и причину до моего приезда.

— Тогда спроси у него.

— Мы спрашиваем у тебя, откуда они появились.

Павел снял очки второй раз, но уже не стал их вытирать.

— Техническая ошибка, Вера. Неверно оформленная рабочая запись. Не заговор. Не попытка закрыть дело. Ты двенадцать лет ждала, чтобы снова поймать меня на слишком уверенной цифре, и теперь любое исправление для тебя будет признанием умысла.

Шатова перевела взгляд с него на Веру. Лев не пошевелился.

Вера могла ответить о письме, о Денисе Круглове, об отце, который носил чужую вину как свою. Но это превратило бы нынешний лист в семейный спор, а Павел именно этого добивался — отделить бумагу от решения, решение от последствий, последствия от человека, который поставил подпись.

— Я не утверждаю умысел, — сказала она. — Я утверждаю последовательность. Твой источник позвонил позже времени, которое ты указал. Осмотра ещё не было. Причину ты записал по расположению тела. После этого Савельев получил удобную готовую версию. Как назвать это юридически, решит не моя обида.

Павел посмотрел на неё почти с уважением, и от этого стало хуже.

— На месте я всё равно осмотрел бы его.

— Но не осмотрел до того, как подписал.

— Лист можно было заменить.

— Именно это ты и предложил ночью.

Нестеров поднял руку, прекращая спор.

— Павел Александрович, вы подтверждаете, что заполнили лист после разговора с Корецкой и до прибытия в санаторий?

— Да.

— Время двадцать два тридцать выбрали как ориентировочное сами?

— На основании её слов.

— Она назвала эту цифру?

Павел долго смотрел на закрытый пакет.

— Не могу уверенно подтвердить.

— Причину «падение с лестницы» сформулировали сами?

— Как предварительную версию.

— Почему не пометили как версию?

— Техническая ошибка.

Нестеров записал ответ целиком и дал Павлу прочитать. Тот поставил подпись не глядя на Веру.

После его ухода Шатова попросила воды. Лев принёс стакан из коридора. Она выпила половину и сказала:

— Я ещё кое-что не записала. Тогда не показалось важным.

— Говорите, — сказал Нестеров.

— Первый мужчина звонил не из четвёртого корпуса.

— Почему вы так решили?

— На аппаратах высвечивается внутренний номер. Я увидела ноль пять, но подумала, старый аппарат опять ошибся. Ноль пять — это комната отдыха у бассейна. Она в другом крыле, телефон там должны были отключить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.